

Гавриил Кротов

Мы будем вместе

Письма с той войны

Гавриил Кротов

**Мы будем вместе.
Письма с той войны**

«Издательские решения»

Кротов Г. Я.

Мы будем вместе. Письма с той войны / Г. Я. Кротов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511498-3

Необычная книга, состоящая из множества писем, написанных педагогом, прошедшим всю Великую Отечественную войну. Письма о педагогике, о литературе и искусстве, о фронтовой жизни и армейском быте, но главное — о любви. О любви, на пути которой стоит слишком многое, чтобы быть уверенным в счастливом итоге стремления друг к другу. То и дело возникают разные драматические развороты, «придуманные» исключительно самой жизнью. Ориентироваться в реалиях того времени помогают многочисленные примечания.

ISBN 978-5-00-511498-3

© Кротов Г. Я.
© Издательские решения

Содержание

Краткое предисловие	7
Часть 1. Пишите мне!	8
Глава 1—1. Может, пригодится в работе...	8
Из редакционной почты	8
Ничего удивительного	8
Моим новым друзьям	9
Немногие строки из лавины писем	10
Помню наизусть	11
Глава 1—2. Не было ни одного письма, чтоб я на него не ответил	12
Это действительно роднит нас	12
Назначаю тебя своим представителем	13
Я лучший друг тебе – и всё	13
Да, учиться трудно	14
Брось разные подозрения	15
Тебе пишу очень часто, но прочту и порву	15
Для меня это было очень романтично	16
Глава 1—3. Твоя дружба мне необходима	17
Кажется, опять в книжность полез	17
Намёки на любовные чувства я безжалостно высмеивала	18
Быть может, бестолково написано	18
Жаль, что надежды на будущее слабеют	19
Не понял: за что ты обиделась?	20
Нет, друг мой, молчать не поможет	21
Добьюсь, мы увидимся, но вряд ли сумеем долго говорить	22
Часть 2. Ты мой далёкий огонёк	23
Глава 2—1. Да была ли Москва, счастье, любовь и свет?	23
Мне и в голову не приходило, что такая встреча возможна	23
Март стал для меня лучшим месяцем жизни	24
Фантастический был вечер, и закончился он фантастически	24
Не могу представить, есть ли ты или всё это снилось	25
Продолжительный и радостный разговор с Абрамом	26
Быть достойным своей Муси	26
Глава 2—2. Мечты и сомнения сменились реальными мыслями о будущем	28
Хотелось бы знать, кого я встречу в Москве	28
Ночь прошла, скверное настроение прошло	28
Я постеснялась подойти к Калабалину	29
Верю в тебя и рад подчинить свою жизнь тебе	29
Мне кажется иногда, что не я, а ты старше меня	29
Ты думаешь обо мне – и это много	30
Кончилась сказка, началась жизнь	31
Глава 2—3. Ты не увидишь от меня ни подлости, ни обиды	33
Не странно ли – идя на смерть, мечтать о жизни?	33
Иногда мне может быть больно	34
Раз ты любишь его, значит, он очень хороший человек	34

Женился я не по любви, а ради спокойной жизни	35
Скажи, разве это не судьба?	37
Я не из тех, кого можно любить с первого взгляда	37
Разлука – лучший экзамен любви	38
Добиваться чего-либо против своей совести не намерен	39
Часть 3. Да, я не из «вашего круга»	41
Глава 3—1. Не хочу соваться в шум Москвы	41
Невольно вспоминается случай из моей жизни	41
Вскрываю письмо – и вижу: «Мы будем вместе»	42
Только бы не изменилась ты – этого я побаиваюсь	43
Разве я могу не верить тебе?	45
Мне это и нравится: коготки и твёрдый характер	45
Даже сердясь, пиши	46
Больше всего я желаю твоего счастья	46
Мне хочется сказать своё слово	48
Глава 3—2. Это не что-либо претендующее на литературность	49
Это была кухонная любовь к матери	49
Вот вам мальчик, ловко рисует, учить его надобно	51
Нервы у тебя девичьи, а организм медвежий	52
Перешёл на работу в школу преподавателем ИЗО	55
Тогда была мода разоблачать, и меня начали разоблачать	56
Последний оплот перед Днепром,	58
Глава 3—3. Жду каждый день хотя бы маленькой открытки	61
Проходя по улицам, я видел плоды работы	61
Молочных рек и кисельных берегов не обещаю	63
На Украине работы найти я не мог	64
Прошло всего 18 дней разлуки, а кажется – года	64
Размагнитился я, Муся, растаял, раскис: плохо	65
Когда начинается анализ, рождаются сомнения	66
Наверное, в эту ночь я завоевал счастье дружбы с тобой	68
Часть 4. Не могу написать тебе всего, что думаю	71
Глава 4—1. Для тебя я ребёнок, начинающий жить	71
Мы на пороге величайших событий:	71
Как хочется быть вместе и делать одну работу	72
...И мы пообедили «сало с салом»	72
Пиши мне иронические, колючие письма	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Мы будем вместе Письма с той войны

Гавриил Яковлевич Кротов

Публикатор, редактор Виктор Кротов

© Гавриил Яковлевич Кротов, 2020

ISBN 978-5-0051-1498-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фото на обложке из семейного архива

Составление и подготовка к публикации: Виктор Кротов

Краткое предисловие

Эта книга не была задумана как книга. Она состоит из совершенно реальных писем, написанных в 1943—1945 годах из Красной армии, и полна множества правдивых реалий тех лет. Вместе с тем это книга о любви – с многочисленными драматическими разворотами и непредсказуемым ходом событий.

Поскольку ответные письма, в силу военных условий, не сохранились, в некоторых местах приведены небольшие фрагменты из книги воспоминаний М. Л. Кротовой «Бавыкинский дневник», позволяющие увидеть некоторые события глазами участницы переписки.

Несколько технических замечаний:

– Не все письма сохранились. Сохранившихся меньше трёхсот, а всего было, видимо, заметно больше.

– Не все сохранившиеся письма и фрагменты вошли в книгу, чтобы не утяжелять её чрезмерным объёмом и некоторыми повторами.

– В некоторых письмах сокращены интимно-ласковые обращения, а также другие фрагменты, которые были естественны для отправителя и дороги адресату, но не предназначались для стороннего читателя. Сокращены повторы, не имеющие самостоятельного значения, не приводятся обратные адреса полевой почты.

– Даты большинства писем указываются по рукописному оригиналу. При отсутствии – по почтовому штемпелю. Иногда дата указывается ориентировочно, на основе содержания письма и соседствующих с ним писем. В некоторых случаях письмо расположено в установленном по содержанию месте, но оснований для датировки нет; тогда ставится указание «без даты».

– Чтобы структура книги была выразительной, введены заголовки частей, глав и подглавок (отдельных писем или других текстов). Все заголовки взяты из самих текстов. То же самое относится и к названию книги.

Важнейшую роль в том, что эта книга стала возможной, сыграла Мария (Марина, Муся) Кротова (Гиндина) – героиня этой книги. Она сумела сохранить эти письма, несмотря на многие превратности судьбы.

Большую работу проделал Яков Гаврилович Кротов, осуществивший разбор и первичное упорядочивание рукописных писем, а также подготовивший машинопись их полного собрания.

Компьютерный ввод машинописи и предварительную корректуру осуществила Василиса Виник.

Существенные замечания в процессе подготовки книги к публикации были сделаны Марией Сергеевной Романушко.

Виктор Кротов

Часть 1. Пишите мне!

Глава 1—1. Может, пригодится в работе...

Из редакционной почты

Эта заметка была опубликована «Учительской газетой» в начале сентября 1943 года в рубрике «О чём рассказывает редакционная почта...» и называлась «Пишите мне!».

Дорогой незнакомый товарищ!

Я читал и слышал о дружбе заочной. Вначале мне это казалось странным, но я убедился, что такая дружба может быть большой и крепкой. И вот я пишу в надежде получить ответ. Познакомимся же и будем друзьями!

Я – бывший педагог. В настоящее время нахожусь в одной из частей Красной Армии. Участвую в боях с 13 июля 1941 года. Два раза ранен, контужен, но не потерял способности бить врага. Прошёл весь боевой путь Сталинградского фронта старшим сержантом-автоматчиком. Имею на своём счету 32 уничтоженных немца. Горжусь этим, только жалею, что мало.

Я стал военным человеком, но не забыл, что я – учитель. Очень хочется знать, как живёт и работает школа. И особенно хочется слышать тёплое, дружеское слово.

Пишите о себе, о работе, обо всём, что видите, что интересует вас. Пишите подробно и часто. Я не останусь в долгу. Буду делиться успехами и впечатлениями.

Мой адрес: полевая почта 40248, Кротову Гавриилу Яковлевичу.

С боевым гвардейским приветом.

Г. Кротов

***

Публикуя письмо учителя-фронтовика, редакция уверена, тов. Кротов получит много писем от учителей и найдёт много новых друзей.

Ничего удивительного (из «Бавыкинского дневника»)

...Всё началось с письма в «Учительской газете». Это письмо мне показала библиотекарша в школе №40, где осенью 1943 года я работала пионервожатой. Тогда очень модным мероприятием была переписка с бойцами и помощь фронтовикам в виде посылок, что поднимало их дух и решимость сражаться во имя оставленных в тылу детей и женщин.

Поэтому ничего удивительного не было в том, что однажды школьная библиотекарша Мария Михайловна обратила моё внимание на маленькую заметку в «Учительской газете», подписанную: «Г. Кротов». Был и номер полевой почты.

«Мариночка, вот посмотрите, может, пригодится в работе». Библиотекаршу звали Мария Михайловна, а фамилию я забыла. Да и в живых её, конечно, нет, она и тогда была старая.

Я ответила на это письмо на адрес полевой почты...

Моим новым друзьям

Под таким заголовком «Учительская газета» 15.3.44 года опубликовало «Письмо с фронта» (подзаголовок статьи) Гаврилла Кротова, обращённое к тем, кто ему написал.

Моё краткое, буквально в несколько слов, письмо, помещённое в «Учительской газете» несколько месяцев назад, помогло мне обрести много заочных друзей. 17 ноября прошлого года в газете был помещён мой ответ многочисленным корреспондентам, который вызвал ещё больший приток нежных, дорогих писем. Число их уже превысило 5.000! И мне хочется снова поблагодарить за добрые чувства наших учителей, так горячо любящих нас, солдат великой Красной Армии.

Мне даже как-то неловко, что из-за письма в редакцию я сделался объектом внимания многих тысяч учителей, живущих и работающих в разных концах Советского Союза. Мне пишут письма, как герою, мне поверяют горе, которое принесли на своих штыках немцы, меня просят отомстить за загубленную молодёжь, за гибель близких, за разрушение наших городов и сёл. Я считаю, что эти письма адресованы не лично мне, а всем воинам, и читаю их всему подразделению. Ведь моя роль в бою очень незначительна: я выполняю маленькую частицу гениального стратегического плана Верховного Главнокомандующего – плана, идущего от генералов к рядовому солдату.

Свой долг я стараюсь выполнять честно, как выполнял его и раньше, работая в школе и отдавая детям все свои знания и силы.

Правительство высоко оценило мою службу: я награждён двумя орденами Красной Звезды и сейчас представлен к третьей награде.

Но в бою я искал не славы.

В 1941 году мне пришлось оставить семью в пограничном районе и взять в руки оружие. Вскоре я узнал, что моя семья погибла от рук немцев, а школа, в которой я работал, сгорела. Я ощутил жгучую ненависть к врагу, желание мстить и мстить!..

Ранение и контузия надолго вывели меня из строя, но, когда враг подходил к Волге, я снова добровольно пошёл на фронт. Я горячо любил родину и не мог перенести наших временных неудач. «Мёртвые сраму не имут», – думал я, уходя в бой, как думали многие, но умирать не торопился.

Мой командир, Герой Советского Союза Дорошкевич, был тоже охвачен ненавистью к врагу. Наш танк врезался в расчёты и колонны противника, перемалывая его технику и уничтожая живую силу. Это были первые поминки по сыну и жене. Кровь их дорого обошлась немцам.

За Доном я был ранен в левую руку. Идти в госпиталь не хотел, чтобы не потерять связи со своей частью. Работал в штабе, где можно было обойтись без левой руки. Но, когда наши войска подошли к Курску, не вытерпел и снова пошёл на линию огня.

Многие авторы писем ко мне считают меня излишне скромным. Нет. Я всю жизнь старался быть, если не лучше всех, то, по крайней мере, не хуже других, иначе жизнь потеряла бы для меня всякий смысл.

И вот я, простой учитель, всю жизнь посвятивший педагогике, любивший музыку, стихи, цветы и детей, смог уничтожить несколько десятков вражеских солдат и офицеров, которые всю жизнь посвятили войне. Я горжусь этим, но не приписываю этих заслуг только себе, а и моим товарищам воинам и в первую очередь командирам.

Моя сила не только в солдатском служении долгу, не только в первоклассном оружии, которым я стремлюсь владеть в совершенстве. Я и в строю остался педагогом. В короткие часы

досуга в блиндажах, на привале читаю и рассказываю нашим молодым бойцам литературные произведения классиков, на примере героев этих книг воспитываю в них мужество, отвагу, настойчивость в достижении цели.

На войне лучше узнаёшь человека, его сердце и душу. Именно здесь, встречаясь с воспитанниками школы, я понял, как ещё много недостатков в её работе по обучению и воспитанию молодого поколения.

Я хочу сказать товарищам учителям, продолжающим работу в школе, что им ещё много предстоит сделать для того, чтобы поднять школу на уровень тех задач, которые поставил перед нею родина в дни Великой отечественной войны.

Некоторые учителя в своих письмах ко мне «kozyряют» высокими процентами успеваемости. Но разве в процентах дело, товарищи? Разве могут проценты, мёртвые цифры выразить в какой-то мере глубокое содержание педагогического труда? Дело не в процентах. Нам нужно, чтобы наши воспитанники выходили из школы вполне грамотными, культурными людьми, чтобы, став солдатами, они проявляли стойкость и отвагу, чтобы были такими, какими показали себя в дни войны миллионы молодых мужчин, доблестно сражающихся под знамёнами Красной Армии.

Шлю вам горячий привет педагога-солдата. Желаю успеха в вашей работе по обучению и воспитанию поколения великого народа Советских Республик.

*С боевым гвардейским приветом
учитель средней школы
гвардии старшина, дважды орденосец
Г. Кротов*

Немногие строки из лавины писем

Ещё одна публикация «Учительской газеты» (8 мая 1944 года, очерк З. Матусевича «Незнакомый товарищ») была посвящена этой переписке. Ниже даны несколько отрывков из присланных писем, приведённые в очерке.

«Дорогой незнакомый товарищ! За окном воеет ветер, крупные капли дождя бьют в стекло. В такое время особенно тяжело и думаешь о вас, бойцах. Так хочется, чтобы вы почувствовали, как миллионы женщин трудятся, не покладая рук, в тылу и с тревогой думают о невзгодах и тяготах фронтовой жизни, которые приходится нести вам. Мы всегда с вами, помните это. Клавдия Беспалова, Лебяжский район Кировской области».

«Дорогой незнакомый друг! нас так беспокоит состояние вашего здоровья. Ранение, наверно, даёт о себе знать. Может быть, вы в чём-нибудь нуждаетесь? Напишите, мы пришлём вам наших колхозных лакомств. Если бы вы знали, как болит сердце, когда вспоминаем о вас. От всего сердца желаем вам скорейшего разгрома врага и счастливого возвращения домой. М. Кузина».

«Незнакомый товарищ! Я с особым волнением пишу эти слова потому, что только недавно Красная Армия вернула мне возможность вновь произносить это слово, снова почувствовать себя в большой и дружной семье народов нашей страны. Несколько месяцев я прожила в оккупации. Трудно передать, какой радостью переполнилось сердце, когда мы в первый раз вновь услышали слово „товарищ“, увидели наших красноармейцев. Спасибо за всё, за вашу самоотверженность, мужество, за ваше служение народу. Анна Бестун. Ремонтненский район Ростовской области».

«Дорогой сынок! Я прочла письмо и подумала: вот человек, который, может быть, не имеет близких. Откуда родом? Есть ли родные? Где они? Я уже тридцать лет работаю в сельской школе. 11 лет назад похоронила мужа, своих детей нет. Буду тебе с радостью писать, как своему сыну. Олимпиада Демидова. Детчинский район Тульской области».

«Дорогой Гавриил Яковлевич! Отомстите за отца моего трёхлетнего сына, моего мужа, героически погибшего при защите Сталинграда. Евдокия Лисенкова. Тетюзинский район Приморского края».

«У меня погиб сын. Ему не было и двадцати лет. У меня нет больше семьи, нет личной жизни. Но я не сложила рук и работаю наряду с молодыми. Если вам нужна моя материнская забота, считайте меня своей любящей матерью Отомстите за моего сына. Успокойте моё сердце. Пелагея Котова. Палехский район Ивановской области».

«Мой брат учитель пропал без вести. Больше всего меня мучает мысль о том, что он, может быть, в позорном плену, терпит голод и издевательства. Идите вперёд, освобождайте родную землю, наших людей, мстите за всё. Лидия Белякова. Каменский район Пензенской области».

Помню наизусть *(из «Бавыкинского дневника»)*

...Скоро я получила ответ от Г. Кротова. С тех пор прошло более сорока пяти лет, но это первое, написанное карандашом письмо я помню наизусть. Большинство ганиных писем сохранилось, но это, первое, было до того хорошее, что я на него ответила, и пошло, и пошло...

Глава 1—2. Не было ни одного письма, чтоб я на него не ответил

Это действительно роднит нас 13.9.43

Здравствуй, милая Марина!

Пусть не шокирует Вас такое обращение, но оно более всего выражает моё чувство к Вам.

Сегодня я получил несколько писем, из которых Ваше мне показалось наиболее обстоятельным и близким. В нём есть строчка, которая больше всего понравилась мне, что Вы посвятили свою жизнь детям. Это действительно роднит нас. У меня не было иной жизни, кроме детей. И кое-чего я достиг в работе. Похвала А. С. Макаренко была лучшим аттестатом, и в школу я, конечно, вернусь.

На фронте я с первых дней. Родных у меня нет. Была жена Марина, но её расстреляли немцы. Она была еврейка, комсомолка – в общем, та, которых немцы не шадят. Об этом я узнал позднее.

Я не знаю Вас, но последняя строчка Вашего письма дорога и мила. Хочется укрепить эту дружбу на первые пятьдесят лет.

Итак, вот моя рука, рука солдата.

На фронте я с первых дней. Я старший сержант, командир взвода автоматчиков. На моём счету около сотни фрицев, официально установлено командирами 32, но счёт далеко не окончен. Награждён медалью «За оборону Сталинграда» и орденом Красной Звезды, но на героя я не похож: сутуловат, жёсткие волосы, рост 165 см, вес 64 кг – вот я. Любитель цветов, музыки, живописи, немного художник, когда-то писал стихи, люблю всё красивое и крепкий табак. По существу я далеко не военный человек, я не могу видеть развалины, кровь и горе, меня шокирует мат, угнетает грязь, но со всем этим я мирюсь. Люблю мечтать. Вот и сейчас майор смеётся, что я совершаю полёт в сферы, недоступные лётчикам. Пожалуй, он прав.

Я не слышу грохота орудий, не чувствую дрожи стен. Я бесцеремонно зашёл в Вашу тихую, чистенькую комнатку. Я вижу стол, накрытый скатертью, стопку тетрадей, этажерку, цветы; вижу Вас, молодую, серьёзную. Но лицо Ваше – лицо учительницы Советского Союза – калейдоскопично и не может закрепиться в памяти.

И вот я рад побеседовать с Вами. О чём? О войне? Нет. Вы не видели её – и хорошо. Скажу одно, что наши газеты не дают достаточно верной картины всей подлости немцев: развалины, кровь, бессмысленная жестокость. Трупы детей, тысячи закопанных живьём людей, обесчещенные девочки (буквально) – нет, об этом писать я не буду. И самому хочется забыть это. Вот почему я не выхожу из строя, даже если имею освобождение.

Недавно я узнал о раздельном обучении. Но с трудом представляю это себе. Очевидно, есть какие-то установки. Может быть, есть долгожданные правила ученика. Не знаю. Напишите мне. Боюсь, что, вернувшись в школу, я буду неопытным и беспомощным, хотя начал работу пионервожатым и не оставлял её до 13 июля 1941 года.

Хотел написать письма Вашим девочкам, но не подыму темы. Писать восторженным языком о войне не могу. Писать об ужасах её тяжело, да и всего не напишешь. Мой им привет. Пусть они не знают этих ужасов, а мы постараемся это сделать. Но только работы в жизни им предстоит много. Пусть учатся.

Теперь просьбы к Вам: разрешите называть Вас в дальнейшем на «ты» и «Марина», пришлите своё фото и пишите о себе, о Москве, о книгах, концертах, о своих вкусах; а я постараюсь писать о том, что вижу.

С боевым приветом, Ваш друг Ган Кротов, полевая почта 40248.

Жду писем и фото.

P.S. Сколько Вам лет? Когда в комсомоле?

Назначаю тебя своим представителем **19.12.43**

Милая Марина,

Во-первых, хватаю Галку¹ за косички и целую её, за её письмо. Во-вторых, даже самое красивое имя Дея² не оправдывает измену педагогике, так что я ей непримиримый враг. Отец – другое дело: хирургические ножи часто вмешивались в структуру моего организма, за что благодарен эскулапам. Маму твою попрошу приготовить пельмени (моё любимое кушанье) и накормить тебя (назначаю тебя своим представителем), ну, брату писать нечего. Но главное – Галка. Я её заставил бы летать под потолок, вот и письмо её возвращаю обратно, но испачканное³.

Марина, откуда ты взяла, что я могу прекратить переписку или погибнуть? Уж если за два с половиной года надо мной пролетело столько смертей, то на пороге победы погибать нет дураков.

Да, спешу исправить упущение о себе: историк, связан с литературой. Писал, печатался. Работал директором школы в Винницкой области.

Стариком я себя, конечно, называл напрасно. Правда, по документам мне 33 года, но подсчитаем: 8 часов = 1/3 в сутки я спал, долой 11 лет, 2 года на фронте – тоже за жизнь нельзя считать – итак, перед тобой двадцатилетний юноша. Прошу любить и жаловать.

Марина, ты выработала хорошие традиции – писать каждую неделю, но почему-то изменила. Пиши!

Ты боишься за детей. Напрасно. Умеющий ненавидеть может крепко любить. Ведь ненависть к врагам порождает любовь к друзьям, к родине. Твои девочки, ненавидя врагов, будут любить воинов. Привет им. Пусть и они напишут мне.

Марина, всё-таки пора бы показать себя, хоть фотографией, но если это трудно, то не надо. Внешность роли не играет.

Ещё раз предупреждаю, что внезапно я могу лично явиться к вам. Ну тогда-то поговорим и обсудим: что такое «не везёт» и как с ним бороться.

Прости, Марина, что пишу каракулями, это не почерк. Могу писать и по-другому, и это неуважение к тебе. Жду от тебя длинных писем, как мой боевой путь. Рад им, Марина. Немного некрасиво с твоей стороны, что ты не сообщила имя и отчество твоей матери. Итак, жду писем.

Привет всем твоим родным и твоим детям. С горячим приветом, Ган

Я лучший друг тебе – и всё **29.12.43**

Милая, милая Марина!

---

¹ Четырёхлетняя племянница Муси.

² Старшая сестра Муси (мать Гали).

³ Письмо написано на обороте детского рисунка. (Прим. Я. Г. Кротова.)

Получил твоё письмо. Сознаюсь, что давно ждал его, и было немного больно и обидно, что появился перерыв. Всё это я объяснял странностью нашего знакомства, в котором недоверие вполне естественно, поэтому не обиделся, прочитав упрёк в том, что я способен втихомолку смеяться над тобою. Смешная, глупая девочка! Ведь в нашей дружбе нет тех примесей, которые портят дружбу: внешность, одежда, поступки, иногда просто какой-либо световой эффект. Нет! Вот и мама твоя, и Галка, и твой, очевидно, седой и солидный отец стали мне близкими.

О, какое спасибо тебе за твоё предложение о доме. Как добивался я отпуска в Москву – и не теряю надежды, почему и попросил номер телефона, чтоб созвониться.

Марина, ну ты не понимаешь, как я рад письму. Давай бросим упрёки и недоверие. Я лучший друг тебе – и всё.

Да, я называю себя стариком. Мне 33 года, но... Марина, тебе не понять мою жизнь. С 7 лет я жил «в людях», с 16 лет жил и учился самостоятельно, изъездил весь СССР, работал кинофоторепортёром, плотником, писателем, художником, ходил пешком, голодал; 3-й год в боях – и мне дают 40 лет! Ведь раны, мороз, лишения не проходят даром, и ордена на солдатской груди с неба не падают.

Милая Марина, как много чувств в твоих словах, что меня ждут дети. Я это знаю и бьюсь за право спокойно смотреть в детские глаза и требовать, будучи исполнителем сам.

Относительно ног. Зажили. Осталась лёгкая хромота, так что за меня не беспокойся. Я выживу всем смертям назло.

Итак, брось свои сомнения насчёт подсмеивания и прочую чепуху. Уж если я назвался другом, то ради дружбы готов сделать многое.

Пиши. Помни, что я не всегда смогу ответить вовремя, но это не значит, что я забыл. Желаю счастья, здоровья и радости. С Новым годом.

Приписка на обороте «треугольника»:

Да, я хочу увидеть друга, но рад и письмам. По письмам, логике и смыслу писем, я уже знаю тебя.

Посылаю письмо твоим детям. Наладим переписку – постараюсь её сделать интересной. Привет тебе от моих друзей, вот сидит Ивакин.

Марина, прошу, посылай в письмах листки бумаги, только линованной. Пиши о театре, о новых книгах и шли вырезки стихов, очерков.

Ещё перечёл письмо. Глупая Марина, как ты можешь думать, что я способен смеяться над дружбой.

Не хочется кончать письмо, но что можно сказать бумажным языком? С каким удовольствием сейчас помолчал бы вместе.

Ну, спи спокойно! А я ещё немного постараюсь подумать о своём недоверчивом друге.

Да, учиться трудно **29.12.43**

Товарищи пионеры и школьники, к борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!

Боевой вам привет от учителя-солдата!

Сегодня получил письмо от моего и вашего друга тов. Гиндиной с радостным известием, что вам вручают новые ученические билеты, в которых страна предъявляет вам 20 требований. Поздравляю!

Хочется пожелать вам счастья в жизни, а я уже третий год бьюсь за это счастье. Мечтаю снова быть с детьми, потому что люблю детей, как любит каждый учитель.

У нас тоже есть требование – присяга. Ради неё мы идём на смерть, и можете ли вы любить того, кто, испугавшись трудностей боя, скроется от требования совести? Нет, таких любить нельзя. Но не этими людьми держится жизнь.

Иные из вас требуют помощи. . .

Под огнём противника остался наш раненый боевой товарищ. Но гибнет товарищ, и мы, обстреляв противника, прижав его к земле, спасём друга.

Как же можно терпеть, что у вас отстаёт товарищ!

Да, учиться трудно. Но как вы думаете, на фронте легко?

Не завидую и вашим учителям, которые взяли на свои плечи тяжесть оставленного нами труда. Они отдают всё, а главное – покой и здоровье, это почти одно и то же, что и жизнь: двойная нагрузка, Хеопсова пирамида тетрадей, в результате – бессонные ночи, переутомление, расслабленные нервы, а тут ошибки, неприготовленные уроки, шалости.

Мы свято чтим своих командиров, потому что они ведут нас к победе, этого мы требуем и от вас.

Но я верю, что нарушений не будет, и мы будем друзьями.

Прошу прислать мне экземпляр ученического билета, и, если не обиделись на письмо и на мои требования, пишите. Будем друзьями.

Желаем вам счастья и успехов!

*Гвардии старший сержант, трижды орденносец,
командир взвода автоматчиков: Кротов
Гвардии старший сержант, дважды орденносец,
награждён четырьмя медалями, парторг: Ивакин.*

Брось разные подозрения

1.1.44

С Новым годом!

Марина, прочитал ещё и ещё раз твоё письмо. Странные мысли лезут в твою голову: тебе становится трудно писать, потому что в голову лезут какие-то сомнения, подозрения. Дорогая, да ты не... слишком ли горячо ценишь дружбу? Ведь это похоже на ревность, то есть на подозрения в унижении твоих лучших чувств. Нет, милый друг, ни в дружбе, ни в других хороших чувствах я не изменял, как не изменял родным в тяжёлые минуты, когда положение казалось безнадежным. Так разве я такой подлец? Нет. По правде, мне тяжело было, когда твои письма прекратились, но вот оно пришло. Мы друзья по-прежнему. И брось разные подозрения. Я пока ещё твёрд.

Марина, будет время – ты узнаешь меня ближе. И увидишь, что другом я могу быть.

Итак, пиши, не дожидаясь писем. Пиши не как другу, а как своей подруге, которая не живёт, как реальный субъект, но ей доверено то, что есть в голове и груди.

Стоп! В лирику полез, а солдату там делать нечего. Спи спокойно, а я проведу рукой по твоим волосам. Ганя

Тебе пишу очень часто, но прочту и порву

11.1.44

Милая Марина.

Ты читала рассказ Горького «Болесь»⁴? Вот почти то же переживаю я. Я, правда, не пишу писем сам себе, но я придумал тебя, полюбил тебя чистой, платонической любовью, и твои письма, которые ввели меня в школу, в театр, в тёплый круг твоей семьи. Иногда я играю с Галкой, иногда пикируюсь с Деей, шучу с твоей мамой и часто беседую с тобой. И становится грустно, когда нет писем. Тебе пишу очень часто, но прочту и порву – ерунда. Хочется сказать что-то хорошее, но не выходит.

Паузы в письмах от тебя мне вполне понятны: так неестественна и странна наша дружба.

А ведь, Марина, я чуть не попал к тебе в Москву. Мне дают назначение для лечения ноги (электропроцедуры), но как-то всё откладывал, да и лечиться я не люблю. В больницы попадал только в бессознательном состоянии (три раза в жизни). Но, быть может, приеду.

Задержало ещё одно обстоятельство: награждают третьим орденом Красной Звезды. Получится не грудь, а млечный путь. Ну и хотелось чем-то оправдать это.

Марина, если можно, пришли фото, с Галкой, или даже с отступником педагогической веры, или с девочками школы, или одну. Буду рад.

Спроси отца, сможет ли он оказать мне содействие в лечении. Что там, я не знаю: ревматизм или ещё какая ерунда. Правда, неудобно пользоваться знакомством, но если я буду лечиться, то хотелось бы избавиться от всей этой гигиены больничной. Натура у меня неспокойная. Ни в медицинские, ни в педагогические нормы я не укладываюсь. А поехать и не поехать тоже нельзя. Болит при прыгании и резких поворотах.

Ну, надоел я тебе с больничными охами – но учти, что пишу в исключительно грустную минуту, такие бывают очень редко.

Пиши, а я пока кончаю. С приветом, Ган

Для меня это было очень романтично *(из «Бавькинского дневника»)*

...Мы с Ганей начали переписываться. Потом мы от школы отправили ящик с подарками для бойцов ганиной роты (кисеты с махоркой, тетради, книжки, рукавицы и т.п.). Бойцы написали индивидуальные письма с благодарностями девочкам. А тем временем мы с Ганей продолжали переписку и заочно друг другу очень нравились. Для меня это было очень романтично: переписка с солдатом, фронтовиком! Письма я читала вслух домашним, они были остроумные, хоть и с ошибками. Ошибки я исправляла и указывала, как правильно писать. Ганя не обижался...

---

⁴ О женщине, которая посылала письма выдуманному жениху, а от его имени – себе.

Глава 1—3. Твоя дружба мне необходима

Кажется, опять в книжность полез

16.1.44

Получил твоё письмо. Ты пишешь, что я «книжный человек». Да, Марина, жизнь столько была меня, столько я видел гадости, что я старался изменить её. Иногда это было донкихотство, а иногда... Да вот ты – моё сочинение. Знаешь, как больно было, когда от тебя не было долго писем. Смешно и глупо. Мне, 34-летнему, влюбиться в мечту, именно мечту, так как ты живая не смогла бы быть объектом моей любви. По годам, психологическому укладу (ведь за жизнь мою грязи ко мне пристало, я не любил её, но... а ты чиста от всего этого). Но факт, что сегодняшняя дрожь, выдавшая мою радость, – это плохой признак. Ну, это ерунда. Я могу не только взять себя в руки, но и за глотку.

Видите, как много я насплетничал на себя.

Да, Марина, жизнь меня не баловала, и, быть может, это спасает меня там, где гибнут мягкотелые. И вот, сидя в грязи, кушая из котелка, я пою и чувствую:

Звени бокалом, жизнь моя,
Гори, любовь и хмель...

И дальше:

Эх, только б мне не лечь сейчас
В морозную постель⁵.

Ты удивляешься, что меня интересует театр. Да ведь, друг мой, навязла в зубах вся эта передряга. Вот вчера я был у подполковника, начальника политотдела. Он вернулся из госпиталя после тяжёлой контузии головы. Узнал, что меня награждают третьим орденом, и позабавился мне, а я – ему, что он побывал в Москве. Назвал меня дураком и обещал отпустить в Москву здорового. В Москве меня пугает строгость дисциплины. Ведь тут иногда и с генералом курить приходится. А я отвык от строевого тыла. Но постараюсь в Москве сделаться «гражданским». Только, Марина, веди в театр, как ты хочешь.

Получила ли ты мои письма и фото? Правда, я там мало похож на себя, это фото больше подходит в альбом уголовного розыска. Но о наружности хорошо сказано:

За дни боёв я стал их много старше,
Сам у себя я на глазах старел,
Когда в снегу по пояс шёл на марше,
Когда о ствол винтовки руки грел...

И ты собой мне заполняла душу.
Я сам теперь не вспомню, сколько раз
Я с жадностью хотел твои рассказы слушать,
Ловить тепло твоих лучистых глаз...

---

⁵ Ирландская застольная песня, на музыку Бетховена.

И я приду. Дым пороха, махорки,
Пыль городов и сказочную даль
Внесу на пожелтевшей гимнастёрке,
Где орденов багряная эмаль.

Ну, я, кажется, опять в книжность полез. Но что ж делать, если жизнь не так красива, как книги. Маяковский писал:

Надо жизнь сначала переделать,
Переделав, можно воспевать...⁶

Ну что ж, сколько хватает сил, я переделываю, как солдат, наших генералов, а петь, политотдел уверяет, что тоже надо. Ну, заболтался я. А бумаге конец. Но, Марина, запомни одно – твоя дружба мне необходима. Письмам рад и жду их.

Целую Галку. Привет твоим родителям (всё же имён я до сих пор не знаю). Привет Дее. Да хранит меня Аллах от медиков. А тебе я затрудняюсь, чем выразить своё чувство: руку пожать – охоть будешь, поцеловать – рискованно, боюсь обидеть, а других способов не придумал. Ганя

Приписка на обороте:

Марина, я забыл, что у тебя слабое зрение, а я пишу мелко и неразборчиво. Прости меня, но хотелось много, много написать тебе. Как бы мне хотелось увидеть тебя, хотя бы на фото. Итак, надо проститься и ждать писем. Пока.

Хочется передать спасибо тем, которые дали тебе возможность легко добиться места в жизни, и не жалею, что тебе с ней не пришлось бороться. Это плохое занятие и неприятное.

Намёки на любовные чувства я безжалостно высмеивала (из «Бавыкинского дневника»)

...Месяца через три я получила ганину фотографию – маленькую, где он был с двумя орденами «Красной звезды» и маленькими усиками под носом. Выглядел он много старше меня – 34 года – старик! – и меня совсем засмеяли домашние, так как в письмах Гани стали явственно проступать нотки не только дружеские, но и более нежные. Впрочем, все попытки, намёки на любовные чувства я безжалостно высмеивала, да и на самом деле не могла себе представить, как можно полюбить человека, не видя не только его самого, но даже и фото (свою фотографию я послала уже после встречи)...

Быть может, бестолково написано 31.1.44

Дорогой друг,

Ты прочти последнее, быть может,
Из всего, написанного мной.
Я сегодня вспомнил всё, что прожил,
Всё, что видел на земле родной.

---

⁶ Из стихотворения «Сергею Есенину».

И сегодня говорю себе я:
– Мне неплохо выпало пожить.
Я из тех, кто мог бы, не старея,
До глубокой старости дожить.

Вот и полночь. Дует ветер южный.
Есть приказ – с рассветом двинем в бой.
С другом долго говорил о дружбе,
А теперь поговорю с тобой.

Знаешь ты, минута есть такая
В тишине тревожной, фронтовой,
Когда всё невольно вспоминаешь,
В жизни совершённое тобой.

На рассвете, когда цепью двинем,
Когда степь атакой загудит,
Я пойду за мир, прозрачный, синий,
И средь первых буду впереди.

Скоро утро. Скоро солнце брызнет.
Как я долго мысль свою ловил...
Перед боем говорил о жизни,
А случайно вышло о любви.

Впрочем, может, это так и нужно.
Ты пойми сквозь вереницу слов:
Наша жизнь – ведь это дружба
И отвага в жизни, и любовь.

Я иду на бой, чтоб вечно жили
Светлые весенние мечты,
Чтоб весёлых юношей любили
Девушки хорошие, как ты.

Не беда, что путником случайным
Вздумал руки греть у чуждого костра.
Снова в путь. Прощай, родная,
Незнакомая моя сестра.

P.S. Это ответ на твоё письмо, в котором ты указала предел дружбы. Быть может, бес-
толково написано.

Жаль, что надежды на будущее слабеют **31.1.44**

Лист вложенной тобой бумаги я объясняю, как желание получить письмо. Правда, только
что я закончил письмо, в котором пытался оправдаться о переходе границ дружбы (неумыш-
ленно). Думал, что теперь ты обидишься, но вот бумага. Ну так, друг мой, морщись, а читай.

Ты утверждаешь реальность своего существования. Напрасно. Я – русский человек, и для того чтобы убедиться в реальности – надо пощупать руками. А пока ты – моё сочинение. И я л... виноват – уважаю тебя за твои письма и острый язычок.

Но судьба моя – быть неприкаемым умником: опять стихи. И если ты начнёшь писать тоже, то я одобряю традицию влюблённых школьников и советую культивировать и дальше для юношей до 40-летнего возраста.

Эх, Марина, ты говоришь, что у тебя бывает паршиво на душе. Напрасно. Жизнь дьявольски хороша. Даже весенняя грязь имеет хороший запах. А ты – прекрасное – да ещё в книгах. Вот ты познай прекрасное в жизни. Вот отрывок, писанный мне моим учителем:

Слушай, я видел в уборной потом:
Лужей зловонной скопились отбросы,
Щупая землю лучами кругом,
Солнце пробралось на лужу полоской.

Что за чудесная радуга вдруг
В луже зловонной тогда заиграла...
Будь же как солнце, певучий мой друг,
Всё – от росы на цветах и до кала —

Творческой мыслью своей освети,
Силою воли с зловонием споря,
Радости песен рассыпь на пути
Над каплями счастья и лужами горя.

Это стихотворение назвать любовным нельзя, но очень подходит к тебе. Мне когда-то оно помогло.

Да, Марина, пожалуй, я понял бы тебя, несмотря на возраст, но вместо банального соборезнования ты наткнулась бы на жёсткие советы, беспощадные, как правда.

Ты во мне предполагаешь, что я из вежливости могу скрыть правду. Нет.

Да, пожалуй, ты будешь стесняться, рассказывать, как в письмах, но первое время. А потом доверила бы всё.

Жаль, что надежды на будущее слабеют. Отпуск отказали, а идти канючить не могу. Не в моём характере.

Да, Марина, сколько у тебя этих «вдруг»? Вдруг могу только я явиться, а всё остальное будет подчинено закономерности.

О ужас, буду лечиться: на меня нападают приступы философии, а это опасно.

Ну, пока. С приветом, Ганн

А где Галка?

Книгу получил, прочёл и снова без книг.

Не понял: за что ты обиделась?

20.2.44

Милый друг,

Получил обратно своё письмо. Прочёл и... ничего не понял: за что ты обиделась? Ты мне в предыдущем письме написала, что я перешёл линию дружбы и упомянул слово «любовь». Ты обиделась, а я поспешил объясниться. Мне тяжело было терять друга ради неосторожно сказанного слова. Но, слава богу, это кончилось, и мы опять друзья.

А по правде говоря, тебе тяжело было терять друга, ты ходила как в воду опущенная, это плохо.

Ты просишь писать стихотворения, но, мой друг, увы, я не поэт, и лишь в минуты, когда что-либо коснётся моего сердца, я пишу, но это мука. Мало я писал и не люблю писать.

Милая Марина, ты очень безапелляционно опровергла слова моего учителя. Напрасно. Ты говоришь о канализации и прочем, с точки зрения москвички. Но я всю жизнь провёл в дебрях страны, и Москва мне давала лишь зарядку. Любуясь парком, выставками и т. п., я мечтал лишь о том, чтобы перенести это в глухие уголки.

Да, Горький умел...

Радости песен разлить на пути
Над каплями счастья и лужами горя.

Вот тебе «Страсти-мордасти» – прочти их, чувствуя себя продавцом кваса, желающим перевернуть социальные устои. Прочти его «Рождение человека»... Ты не мать и вряд ли поймёшь эту поэму любви к человеку. Прочти «Старуху Изергиль», да всё это разве не радуга в испарениях зловонной лужи, от которой благовоспитанная барышня, отвернувшись бы и, осторожно подняв края юбочки, перешагнула лужу. А можно видеть в этой грязи отражение звёзд: любовь, материнство, смелость.

Нет, Марина, мне недёшево досталось право судить так, и я вижу красоту сейчас вот в этих солдатах, я слышу певучесть и лирику сквозь мат, любовь сквозь похабщину. Да, я боролся с этим зловонием, но не покрывал его радужными пятнами. Я знаю, что на этой почве может вырасти всё красивое.

Меня удивляет, что у тебя иногда проскальзывают нотки пессимизма. Марина, а ведь я начал борьбу без образования, без поддержки, без перспектив. Не я, а мы – комсомольцы 20-х годов. Марина, я забыл, какого ты года рождения? Знаю, что ты очень молода против меня. Я – 1910. Но в 1916 году уже работал в пимах⁷.

Но, милый друг, не думай, что твоя наружность сможет играть роль в нашей дружбе. Мне важны твои письма, ум, а не внешность. Так что пришли фото. Ведь я послал, и не из лучших, без «надежд понравиться». Не говори, что нет у тебя фото. Ведь ты в Москве, а там есть хотя бы пятиминутки.

Помни, что ты обидишь меня, если не пришлешь.
С горячим приветом Ган
Целую Галку.

Нет, друг мой, молчать не поможет **25.2.44**

Здравствуй, мой сердитый друг!

Замолкла. Вернула письмо, отругала и замолкла.

Ну нет, друг мой, молчать не поможет. Ты что это посадила меня на «сухой паек», заставляя перечитывать старое письмо, где ты так отругала моего учителя, и напрасно? Всё-таки радуга хороша и в луже, но лужа безобразна. Марина, напиши, получила ли ты моё письмо твоим девочкам. Как твоё вступление в партию? Как здоровье отца? Что делает Дея? И почему не пишет Галка, или она, как и «тётя», сердится?

Хотел вернуть «Батюга», но он попал к медикам, а ведь это такой народ... Виноват, около тебя тоже есть медики...

---

⁷ В Сибири и на Урале – это валенки.

Тебя удивляет появление на сцене Котельнической набережной. Это квартира моего бывшего боевого, а вообще лучшего друга инженера Макарова, где хранятся мои бумаги, где ждёт меня мой боевой друг. Это, в случае приезда, будет моей квартирой.

Ну, пока. Жму руку. Ган.

Добьюсь, мы увидимся, но вряд ли сумеем долго говорить **3.3.44**

Добрый день!

Моя маленькая, глупенькая, строгая и придирчивая, но милая подруга.

Тебя волнует моё молчание? Но мой друг, не было ни одного письма, чтоб я на него не ответил. Для этого я нахожу время, место и... бумагу. Но вот когда ты молчишь, то мне лезут разные мысли в голову. Я думаю, уж не написал ли я что-либо, что могло обидеть тебя. Ведь ты у меня обидчивая. Один раз уже сумела рассердиться на меня за постороннее слово, так пуганая ворона писать боится. Видишь, какой я трус.

Но, когда я прочёл слова: «Ган, милый, ты, очевидно, не представляешь, насколько тревожусь я за тебя», – ребята думали, что я сошёл с ума, так как глупая улыбка расплывалась по лицу (глупая, потому что не было никаких причин улыбаться).

Так вот, Марина, нет ли постановления о том, чтоб маленькие глупенькие девочки оказывали уважение к взрослым и серьёзным (умным) людям и писали им чаще?

Моя милая девочка, да разве я не рад бы приехать в Москву, разве я не делал всё (не нарушая гражданской совести и солдатской чести), чтобы вырваться! Но будь уверена, что я добьюсь, и мы увидимся, но вряд ли сумеем долго говорить. Приеду дня на 2—3.

А пока пиши мне свои «сучные» письма. Если можно, вышли «Чингиз-хана» или «Кому на Руси жить хорошо».

Ты пишешь, что переписка никогда не заменит живого слова. Кто мог в этом сомневаться, но если нет живого слова, то чем плохи консервы дружбы? Вот жаль, НКО⁸ не догадалось обеспечить нас такими консервами, а ты выдаёшь их со скупостью, достойной пушкинского рыцаря.

Ты любишь спорить и надеешься испробовать это на мне. Но если я, покорный тебе, буду на всё отвечать согласием, то лишу тебя этого удовольствия.

Ты хочешь встречи, а может, я неразговорчив, глуп и туп; а может, я нахал; а может... но время покажет, что может.

А всё-таки: жди.

Ты думаешь, что в боях мне нет времени. Нет, я отдыхаю, лечусь, и конца покамест не видно.

Но думаю отдохнуть или побывать в Москве.

Сейчас много пишу, печатаюсь в газете. Но вот сегодня взяли за меня: один из писателей взял у меня один из эпизодов для «Огонька», сфотографировали. И вот обнаружишь мою фото-физиономию вместе с порядочными людьми.

Спокойной ночи, моя девочка.

Твой друг Ган

Жду писем. Они благотворно подействовали на меня, и доктор прописал мне их принимать ежедневно, но в аптеках этого лекарства нет, а ты даёшь слишком маленькие дозы.

---

⁸ Народный комиссариат обороны СССР.

Часть 2. Ты мой далёкий огонёк

Глава 2—1. Да была ли Москва, счастье, любовь и свет?

Мне и в голову не приходило, что такая встреча возможна (из «Бавыкинского дневника»)

...13 марта 1944 года я собиралась на отчётно-выборное комсомольское собрание (в то время комсомольская учительская организация была общая для всех школ района, а я была член бюро). У нас дома на Клинической улице ещё была печка-плитка в большой комнате. Я нагрела воды, вымыла голову, и в это время соседка, Вера Ивановна, сказала, что меня спрашивают. Вышла в коридор, в дверях стоит старшина с усиками, в длинной шинели, и спрашивает: «Марина Гиндина? Очень приятно. Я Ган Кротов». (Забыла написать, что мы через два-три письма перешли на «ты», и он подписывался «Ган», а я «Марина»).

Я оторопела. Господи! Не может быть, мне и в голову не приходило, что такая встреча возможна, но усики! Это, конечно, мой адресат. А мне надо идти, и голова мокрая, как назло.

Я протянула руку и прошептала: «Здравствуйте». – «А в письмах мы были на ты». – «Ну, здравствуй». Привела его в комнату. Дома никого не было. Мне через полчаса надо было уходить. – «Если хочешь, вот чайник горячий, пей чай, а я пойду оденусь», – не очень гостеприимно предложила я.

Честно говоря, я очень растерялась. Ведь эта переписка была для меня совершенно абстрактной, как если бы я писала Евгению Онегину или Шерлоку Холмсу. Если бы я увидела в дверях Дон Кихота или принца и нищего, впечатление было бы примерно такое же. Ганя существовал для меня только как литературный герой, я не могла вообразить его существующим реально.

Но так или иначе, я оделась и заявила, что должна спешить, а он, если хочет, может меня проводить. И он пошёл меня провожать, храбро взяв под руку. Тогда я была такая, как на старой фотографии, где я в зимнем пальто и в меховой шапочке.

На собрание он меня проводил, и мы договорились, что он придёт в школу.

На другой день я привела Ганю в школу, где собрала пионерский актив (штаб дружины) в библиотеке, и он два часа рассказывал о войне, с юмором, словом, очаровал всех девочек. Эти рассказы меня очаровали, да и манера рассказчика была полна юмора и ещё чего-то, что не могу назвать другим словом, кроме французского «шарм» (обаяние). Договорились о следующей встрече... На «ты» мы были ещё в письмах. Тяжеловесное «Ган» заменили на «Ганя» (я поинтересовалась, как его в детстве звала мать).

Договорились назавтра пойти в кино. Я не удержалась и что-то съязвила по поводу его дурацких усиков. Когда мы пошли в кино «Ударник» смотреть фильм «Кутузов», Ганя уже сбрил усики, а он их носил с шестнадцати лет.

Чтобы пройти к кинотеатру, мы должны были несколько раз пересекать улицы (от метро «Библиотека имени Ленина» и по мосту). Ганя не признавал официальных переходов, которые обозначались металлическими кружками-пунктиром на мостовой. Он шёл по оптимальной прямой, не обращая внимания на поток машин, очень уверенно, отстраняя рукой наезжавшую на нас машину. А я была воспитана в строгих правилах и всегда боялась милиции

и вообще что-нибудь нарушить. Я его тянула к переходу, а он возмущался и говорил: «Как вы здесь, в Москве, привыкли по гвоздям ходить».

Вернувшись домой, мы застали у дверей Лёню Ольшанского, который тщетно пытался дозвониться, так как электричества не было. Лёня по старой дружбе чмокнул меня в щёку, и мы пошли пить чай. На столе горела самодельная карбидная лампа⁹ (не знаю, что такое «карбид», но горел как свечка). Лёня читал стихи, но когда прочитал пародию на симоновское «Жди меня», Ганя вдруг встал и ушёл: это стихотворение было для фронтовиков священным заклинанием...

Март стал для меня лучшим месяцем жизни

17.3.44

Да, сбылось речённое тобою: я в комендатуре. Но странно: не чувствую ничего ни обидного, ни досадного. Удивил патруль. Да и что может нарушить сказку сегодняшней ночи?

Сказка о том, как Ганюшке-простачку блеснуло яркое солнышко из тёмных очей, согрело теплом неожиданного счастья.

Муся! Неужели это правда? Или это шутка? Тогда это жестокая шутка, а этого я не заслужил. Правда, я ничем не заслужил и твоей ласки. Муся, проверь себя... и если это влечение минуты, то скажи мне, иначе мне будет невозможно потерять тебя.

Вот и сейчас матерщина возбуждённых офицеров пролетает мимо. Я, вопреки твоему приказанию, – с тобой. Я вижу тебя спящую, я глажу твои волосы, вижу твоё спокойное лицо – ты спишь. Я готов тихонечко спеть тебе песенку Левко из «Майской ночи». По-моему, Левко не повезло, что лучшую ночь он дотянул до мая. Я опередил его, и март стал для меня лучшим месяцем жизни.

Муся, но пойми, как тяжело мне будет потерять тебя. Прошу, подумай и учти. Это будет жестоким ударом. Нет. Эти мысли я покамест выкину из головы.

В настоящее время я счастлив.

Это – всё. Это свет и тепло, которые будут сопутствовать мне в боях.

До этого я играл в прятки со смертью, а сейчас играю в догонялки со счастьем.

Нет, я не могу писать. Целую тебя.

Твой Ганя

Москва, комендатура

Фантастический был вечер, и закончился он фантастически

Из «Бавыкинского дневника»:

Когда Ганя приезжал в Москву, мы ходили в театр, а иногда к его знакомым по довоенной жизни.

Однажды вечером (1944 г.) мы поехали в писательский дом, напротив Третьяковки, – в гости к Семёну Калабалину¹⁰. Это один из первых воспитанников Макаренко. В «Педагогической поэме» он фигурирует под фамилией Карабанов. Ганя, оказывается, работал с ним около года в детском доме и очень подружился с ним.

Лифт не работал, мы вскарабкались на девятый этаж, где была квартира Макаренко. Я поднималась туда с трепетом. Его самого в это время уже не было в живых, а в квартире жила его жена.

Этот вечер я запомнила на всю жизнь.

---

⁹ Лампа, в которой источником света служит пламя от химической реакции карбида кальция с водой.

¹⁰ Калабалин Семён Афанасьевич (1903—1972): воспитанник А. С. Макаренко, педагог.

С Ганей они встретились, как старые друзья. Семён Афанасьевич оказался мощным человеком, с крупной седеющей головой. Со мной держался так, как будто знал давным-давно. В книге он симпатичен, а в жизни просто обаятелен. Высокий, смуглый. Глаза чудесные. Весёлый.

Познакомилась я и с женой Макаренко – Галиной Стахиевной.

Калабалин рассказывал, как воевал в партизанском отряде в Югославии, попал в плен, как фашисты перебили ему кости рук ломом, но он чудом остался жив, бежал. Он подарил Гане свою фотографию, где снят с приёмным сыном, лётчиком (впоследствии погибшим). На фотографии написал: «Другу-человеку по работе над человеком».

Фантастический был вечер, и закончился он фантастически.

Это было время салюта. Во время войны салют давался в честь взятия крупных городов или завершения крупной операции. Части, участвовавшие во взятии данного города, получали названия – например, Харьковская, Смоленская дивизия и т. п. В этот вечер салют был в честь взятия Винницы, как вспоминал потом папа, или Орла и Белгорода, как помнится мне. Обычно мы выходили смотреть салют на улицу. Давали залп из 20-и, 24-х, 30-и орудий, установленных в разных местах Москвы – в частности, на Ленинских горах, рядом с теперешней станцией метро «Ленинские горы» (тогда её не было). После каждого залпа из ракетниц (вроде пистолета с толстым стволом) выстреливали специальные гильзы с ракетным зарядом. Он взлетал высоко в небо и рассыпался звёздочками – красными, зелёными, голубыми. Люди, стрелявшие из ракетниц, стояли на крышах высоких зданий по всей Москве. Ещё с первых салютов сложилась традиция, что мальчишки на улицах после каждого выстрела кричали «ура!» и бегали искать пустые гильзы. Потом как-то привыкли, а сейчас мальчишки не помнят первых салютов, да и называются они сейчас просто праздничным фейерверком, и из орудий не стреляют (кроме, кажется, Дня Победы), и «ура» не кричат.

В этот необычный вечер у Калабалина мы смотрели салют с балкона, который выходил в сторону Кремля. Видны были пушки, стоявшие во дворе Кремля, за Москва-рекой, и виден был даже огонь в дулах при выстрелах, хоть они и были холостые. Россыпь разноцветных ракет виднелась далеко, по всему небу. И залпов было много.

Не могу представить, есть ли ты или всё это снилось **21.3.44**

Милая черноглазая Муся!

Я дома.словно из сказочного мира я упал в яму: грязь капает с настила, под подстилкой нар хлюпает вода, на полу под хворостом лужа. Да была ли Москва, счастье, любовь и свет? Ещё тяжелей. И ты – чистая, красивая – становишься снова далёкой, нереальной мечтой. Я не могу даже представить, есть ли ты или всё это снилось мне. Надежды на отпуск в Москву исчезли безнадежно. Оказывается, через полчаса был отменён приказ о моём отпуске, а я уже уехал, иначе я так остался бы без отпуска. Получил твоё письмо и фото – милое, дорогое лицо, но без очков, и неподвижное равнодушное лицо не даёт мне представления о тебе, о которой я помню.

Но как тяжело! Испытав счастье, потерять его и готовиться к смерти.

Мне в этой грязи кажется, что я не имею права на твою любовь, на тебя – чистую, умную.

Прочёл твои письма, тяжело было читать их. Ты многое там написала того, что я сейчас спокойно читать не могу. Ну ладно, буду ждать встречи, выполнять приказ Калабалина.

Снова нарастает грязь. Мне думается: смогла бы ты поцеловать меня вот такого?

Мусёнок, я ещё чувствую свежесть твоих губ, нежность и ласку.

Тяжело и досадно.

Но люблю и буду жить ради этой полноценной любви: со свечами и алтарём, с сыном и работой.

Твой Ганя, скучающий вдали

Продолжительный и радостный разговор с Абрамом

21.3.44

Моя милая, ласковая, нежная. Я ещё сплю. Хотя обстановка ощутительно напоминает о себе. Но что обстановка?

Муся, я добьюсь своего. Но поговори с мамой о квартире на случай моего приезда. Я даже брошу курить ради этого, но поеду я только ради тебя. Муся, позвони Семёну¹¹, что я получил от Ткаченко письмо, и сообщи его адрес: г. Пятихатка Днепропетровской области, п. я. 99, Ткаченко Л. С. Он предлагает перейти к нему на работу в НКВД. Как ты на это смотришь?

Смотрю на твою карточку, но как она мертва! Теперь легко представляю подвижность твоего лица, теплоту губ и холод пальцев.

Ура! Сейчас ходил в санитарное царство и видел Абрама Локшина¹². Был продолжительный и радостный разговор. Вспомнили маму, Дею, Галку и, конечно, тебя; вспомнили ваши беседы, кабинет, медведя. Мнения разошлись: я за педагогов, он за медиков. В общем, он сделался для меня реликвией воспоминания моего нечаянного счастья.

Он обещал написать вам письмо. Я указал, что не писать писем – это (не говоря «свинство») поросячество. Он согласился. Итак, я имею нового друга, напоминающего друга.

Пиши свои мнения о переходе в НКВД, это решит вопрос моего согласия.

Крепко, крепко целую тебя, целую Галку, привет маме и Дее.

Жду писем. Твой Ганя

Быть достойным своей Муси

22.3.44

Я вижу, как твои губки презрительно улыбаются. «Боже, Ган, который нравился мне, одурел. Он в два дня написал четыре глупейших письма». Я знаю, и ты презираешь рай. Представляю, как скучно читать тебе мои вздохи и хвалу тебе. Но ты особенно не задавайся. Если через два дня я не получу письма, то прочтёшь то, что заставит тебя дрожащей рукой царапать каракули оправдания. Ужасайся и не доводи меня до гнева. А пока – пишу письмо по-прежнему горячее.

Читай около бочки, ибо я шлю тебе пламенный привет, от которого может вспыхнуть всё. Я вижу, чувствую (предполагаю), как твои холодные пальцы даже согрелись.

(Вредные люди мешают мне беседовать с тобой. Итак, антракт в самом начале письма.)

Выдал жалование и снова думаю о тебе. Жизнь приняла прекрасный смысл. Я предполагаю перейти в НКВД, принять офицерское звание, чтобы быть достойным своей Муси. Думаю взять с собою и Ивакина. Завтра иду к Абраму исключительно из-за того, что это напомнит мне тебя.

Муся, как я жду твоих писем, чтоб иметь уверенность, что это не мираж, что ты действительно помнишь обо мне.

---

¹¹ Калабалину.

¹² Абрам Эммануилович Локшин (р. 1916) – военврач, двоюродный брат Муси. Ганя познакомился с ним ещё до знакомства с ней по переписке.

3 часа ночи. Не хочется спать, но и оставаться наедине со своими мыслями тяжело. Играл в карты, выиграл около тысячи рублей, и невольно вспоминается поверье, что кому везёт в карты, тому не везёт в любви. Это будит тревожные мысли. Нет, терять любовь я не хочу.

Муся, прошу тебя, указывай мне ошибки и в письмах. Твой Ганя

P.S. Когда же я получу твоё письмо? Последние два знаю наизусть. Смотрю на фото, приклеенное к книжке рядом с надписью, вспоминаю вечера в кабинете, кино, метро, первый поцелуй и разлуку.

Глава 2—2. Мечты и сомнения сменились реальными мыслями о будущем

Хотелось бы знать, кого я встречу в Москве 27.3.44

Чего ради я буду сдерживать желание поговорить с тобой? Если тебе неприятна моя назойливость, то письмами можно разжигать печь. Но писать я буду. Вот уже четыре дня, а писем от тебя нет. Ребята уверяют, что

Если писем не придёт,
Значит, позабыла,
Значит, надо понимать,
Вовсе не любила...¹³

Да и вообще они сокрушённо вздыхают: «Подменили нам в Москве старшину». Сегодня в моей землянке играла гармонь, но я не пел (кончал книгу). Злоязычники доложили командиру, что Кротов заболел «венерической» болезнью – влюбился. Я успокоил, что эта болезнь не заразная; они отвечают, что и иммунитет от неё не вырабатывается в первые 50 лет. Милые мои противники. Без них я подох бы. Но всё-таки вывели меня из состояния.

Пели «В землянке»¹⁴, а мне представлялась Москва, станции метро, кабинет, твои холодные руки, глаза и губы.

Воет метель. Тоска жуткая. Это плохо. С таким настроением идут не в бой, а в крематорий.

Муся, так или иначе, но я приму все меры, чтоб приехать в Москву. Побывать ещё с тобой. Но мне хотелось бы знать, кого я встречу в Москве: Марину, Мусю или Марию Лазаревну? Будут ли всё те же непреодолимые условия, которые «сильнее нас»? Первый раз мы встретились, как очень давно знакомые, а теперь мне хочется встретиться родными.

Надежд на отпуск мало, но у меня, кажется, есть настойчивость. Завтра вышлю тебе первый том книги (колоссальный¹⁵) из большой серии.

Ну, пока! Жду нашей встречи. Целую тебя. Твой Ганя

Ночь прошла, скверное настроение прошло 1.4.44

Боюсь, что тебе не так легко, как можно подумать по твоим шутливым письмам.

Буду ждать, когда пройдёт моя хандра, возможная из-за неудачи (добивался отпуска), но пора в бой! А там...

Может быть, вдали за полустанком
Разгорится завтра жаркий бой,
Потеряю я свою кубанку

---

¹³ Из песни «Вася-Василёк» (1940) на слова Сергея Алымова.

¹⁴ Песня 1941 года на слова Алексея Суркова.

¹⁵ Имеется в виду одна из миниатюрных рукописных книжек, которые писал Ганя.

Вместе с разудалой головой¹⁶.

3 часа. А всё-таки судьба чертовски приятно побаловала меня. Пора заплатить ей дань.

Снова солнечный день. Ночь прошла. Скверное настроение прошло.

Я постеснялась подойти к Калабалину *(из «Бавыкинского дневника»)*

После этого вечера я ещё раз видела Калабалина. Он звонил мне по телефону и пригласил на вечер памяти Макаренко (5 лет со дня смерти). Мы ходили с моей мамой. Семён Афанасьевич сидел в президиуме, и я постеснялась по окончании к нему подойти. Он выступал, немного кокетничая, но очень живо, ярко, и был опять обаятелен, хоть влюбляйся в него.

Как тесен мир. Много лет спустя Максимчик¹⁷ был в археологической экспедиции под Ростовом, и там с ним работал внук Калабалина. Потом этого мальчика вызвали телеграммой на похороны деда: Калабалин внезапно умер.

А фотография, подаренная в тот далёкий вечер Гане Калабалиным, хранится у нас и до сих пор.

Верю в тебя и рад подчинить свою жизнь тебе **8.4.44¹⁸**

Вот и Тула, вокзал.

Вчера вечером мы долго говорили с капитаном Жмуром. В этих разговорах упоминались «чёрные ресницы, чёрные глаза». Он одобряет мою дружбу, считая тебя другом, и не способен представить что-либо большее. «Она для тебя слишком красива». Правильно рассуждает.

Читал твои надписи и прочитал грузинский текст.

Муся, на душе так легко и спокойно. Верю в тебя и рад подчинить свою жизнь тебе.

Вечером буду писать письмо твоим детям. Жду машину с Абрашиным начальником. Абрам хорошо о нём отзывается.

Движение застал полное.

Меня, как передают, уже спрашивали. Будет, очевидно, ОВ, но я, пожалуй, буду глупо улыбаться.

Бумага кончается. Жаль, что это не лестница-чудесница, а то я писал бы тебе бесконечные письма.

Мне кажется иногда, что не я, а ты старше меня **8.4.44**

Моя дорогая, милая Звёздочка!

Вот я и дома. Оказывается, можно было не спешить, но я чувствую, что дальнейшее пребывание в Москве было бы вредным для нас. Мечты и сомнения сменились реальными мыслями о будущем, а в этой сфере я чувствую себя спокойней и уверенней (самоуверенность). Даже твои письма не могли расстроить меня. Случись это до отъезда, было бы плохо. Муся, мы не ошиблись!

---

¹⁶ Из народной казачьей песни.

¹⁷ Яков Гаврилович Кротов.

¹⁸ После недолгого второго визита в Москву, куда Ганя вырвался 5 марта.

Ты просишь согласия написать сугубо интимную вещь. Глупая, маленькая девочка, разве мы теперь не стёрли все границы отчуждённости; разве не существует тайна двух? Пиши, и ты услышишь в ответ самую тёплую, доверчивую правду. И никогда не проси разрешения, и не сомневайся в тайне.

Мне кажется иногда, что не я, а ты старше меня. Я могу быть доверчивым ребёнком, и это не тяготит меня. Но, милая, не слишком ли ты сгущаешь наши различия? Твои друзья, побывав со мною, пожалуй, потеряли бы свою чистоту и блеск или... совесть.

Конечно, я пришёл к тебе не с целью флирта или романа. С первых минут я почувствовал, что ты – яркая недоступная звёздочка. Откровение: я пришёл с утилитарной целью использовать нашу дружбу для получения бумаги и морального отдыха около умного человека, а кончилось... хорошо. Только не подозревай во мне подлости. Ради разврата я не создавал бы такого сложного чувства. Да и зачем ради этого искать достоинств человека, когда вполне достаточно женщины, а женщин хватило бы и на мои достоинства. Возьми эти слова обратно и не делай мне больно. Я добивался перемены чувств. Но я знаю, что ты не можешь быть такой, я верю тебе.

Муся, разве Руфь любила Идена¹⁹ за ум, красоту? Разве различия у них не были сильнее? Я, конечно, не Иден и не смогу сделать всего того, что сделал он, но и я не лишён искры бога святого. Итак, сомнений нет. Я верю, люблю и надеюсь. На всё остальное я смотрю как на препятствия, которые мне необходимо преодолеть.

Мой вторичный приезд обнаружит шило? Ну и пускай!

Не пытайся слишком обманывать.

Храни тебя всё святое от белого листа.

Сажусь писать письмо детям. Ребята страшно довольны вниманием детей.

П. С. Скептический чёрт подсказывает, что у него есть привет к тебе. Это – Ивакин.

Ты думаешь обо мне – и это много

8.4.44

Получил первое письмо. О, сколько радости, надежды и счастья. Ты думаешь обо мне – и это много. Ты имела разговор с домашними и боишься огорчать меня. Нет, Муся, я это знал, и это меня не огорчает. Наоборот: Муся идёт вопреки условиям, которые «сильнее нас». Большого я не хочу. Лишь бы она сказала: «Ну и пускай». Правда, хотелось бы, чтоб всё было лучше, но что ж сделать?

Ну разве можно быть таким эгоистом: я рад, что тебе тяжела наша разлука, в то время, когда мне хотелось бы, чтоб ты была весёлой. Давай так и сделаем. Я буду добиваться встречи. Будет жить надёжней.

Ты не понимаешь, как это случилось? Очень просто: Шекспир прав.

Муся, зачем ты ставишь условие, чтоб я не огорчился? Нет, милая, я так много переживал горечи, что потерял способность ощущать её. И пиши всё откровенно. Как меня радует непосредственность твоего признания в зависти к Дее.

Привет милому русскому человеку Марии Михайловне²⁰. Я знаю и верю, что она желает мне счастья.

---

¹⁹ Руфь, Иден – герои романа Джека Лондона «Мартин Иден» (1909).

²⁰ Мария Михайловна Гостемилова – директор школы №40, где Муся работала много лет, сначала пионервожатой, потом учителем. Именно она предложила Мусе называться Мариной.

Муся, ты садишься писать письма шести друзьям. Интересно, вхожу ли я в их число и под каким порядковым номером? Хотелось бы быть первым и пользоваться внеочередными письмами.

Сообщи мне номер почты школы: я буду чаще писать на школу, так как частые письма дома могут возбудить недовольство. Мне хотелось бы писать тебе на каждую (не каждую) трамвайную остановку.

Пиши мне всё, от серьёзного до мелочей. Буду рад твоим письмам и ласковым словам.

Как ты смотришь на мой переход в НКВД и офицерское звание? Радует ли это тебя, и может ли это приблизить нашу встречу?

Милая Муся, напиши общий взгляд на будущее. Что хотела бы ты от меня в этом отношении?

Пиши мне свои любимые стихи. Как бы хотел я слушать твои сказки.

Сегодня, уходя, я забыл твою записную книжку, в которой приклеена твоя карточка. И... вернулся. Я не могу жить, чтоб не глядеть на изображение, отдалённо напоминающее тебя. Могу ли не тосковать о тебе?

Заболтался.

Твой Ганя. Нелепая личность, которая забыла номер добавочного телефона. Напиши.

Кончилась сказка, началась жизнь

8.4.44

Вот и размяк твой Ганюшка-дурачок. Пригрело его солнышко твоей любви, и тяжело стало. Вот лежит твой Ганя на сырой глинистой постели и подвывает нужной песне о том, как умер бедняга в больнице военной. Только лёгкий запах духов напоминает о том, что я прикасался к той жизни.

Дурак, разве можно требовать от судьбы бесконечных даров? Разве недостаточно тёплого луча твоей любви, согревшей меня? Нет! Тяжело, что я оставил тебя. Вот и раскис.

Стоп! Мой Пегас – упрямая лошадка, – закусив удила, рванулась в заоблачную высь.

Был сегодня у Локшина, но какая может быть дружба... Меня шокировал его снисходительный тон о тебе. Я эгоист и не терплю, чтоб о тебе говорили не так, как это хотелось бы мне.

Между прочим, он дал мне справку о состоянии моего здоровья, понял, что есть какой-то артрит левого коленного сустава и миозит группы сгибателей бедра, или что-то похожее на это. В латыни я не разбираюсь, но знаю, что эта справка мне не поможет.

Вот это и нагнало на меня беспросветный пессимизм. И к работе охладел. Работа движется, замечаний ещё не имею, но сам-то себе я более строгий судья, и чувствую, что в моей жизни появилась трещина.

Раскаиваюсь, что не пробовал бороться с теми условиями, которые, как ты определила, «сильнее нас». Условности всё это. Сами надеваем мы оковы и тяготимся ими.

Кончилась сказка. Началась жизнь.

Прости меня за эти залпы писем. За их тоскливое содержание. Постараюсь выдержать себя и не писать дней пять, хотя бы до получения письма от тебя. Это будет нелегко осуществить, но я могу бороться с собой. Иногда я оставлял начатую пачку папирос и говорил: «Я не курю 10 дней».

Да и что можно написать о тайне двух. Твой Ганя

П.С. – а усы я брею.

Напиши, что говорят мама и Дея, какое мнение их обо мне и их взгляды на наши отношения.

Напиши мне стихи о стреле и песке на английском языке с дословным переводом. Я буду учить английский язык. Хочешь?

Глава 2—3. Ты не увидишь от меня ни подлости, ни обиды

Не странно ли – идя на смерть, мечтать о жизни?

8.4.44

Пользуюсь тем, что могу писать тебе. Скоро, быть может, этой возможности не будет. Но, Муся, дай слово, что ты меня не забудешь и будешь писать. Там твои слова будут тем живительным лучом, который согреет меня.

Ветром радостным шли свою ласку
И глубокую нежность свою.
Ветерок заберётся под каску,
Освежит меня в жарком бою...

Пойми, что теперь ты у меня одна.

Я, конечно, не прошу: «Жди меня». С болью вспоминаю злую пародию на это простое стихотворение. Ну и не жди. Надоест – скажи прямо, но вовремя, чтоб я не сделал лишней ошибки в жизни. Сохранишь жизнь.

Я всё ещё не верю в реальность твоего существования, в действительность московских вечеров; мне всё это кажется сказкой, осколки которой я изредка ещё вижу во сне.

Милая Муся, я умоляю тебя, пришли мне фото такой, как ты есть – в очках, я хочу видеть тебя такой, какой я знаю тебя. А я до боли чётко помню твою фигуру, жесты, одежду. Помню кадр: квартиру Макаренко и девушку в голубом.

Да, это, кажется, высочайший холм моей жизни, и будет жаль, если за его вершиной будет жёлтая, бесплодная пустыня.

Муся, ты мне пишешь, что если я буду огорчаться, то ты не будешь писать правды. Неужели ты способна обмануть меня или скрыть от меня правду? Я не знаю, чем я мог заглушить твою любовь, но знаю, что я не заслужил такой жестокой несправедливости. Пиши всё: почему и чем недовольны твои родные, чем мог бы я смягчить их отношение? Но помнишь, ты обижалась, когда я называл тебя маленькой девочкой? По-моему, в этом отношении ты можешь решать свою судьбу и не нуждаешься в мелочной опеке.

Эх, запутался я в своих чувствах. Ганюшка-дурачок, пережив всё, решил жить сначала. Мне иногда хочется, чтоб смерть спутала все эти карты. Это тяжело, когда сама возможность счастья превращается в смесь мучения, сомнения, неверия и жгучих желаний. Всё это исчезнет, когда я буду знать, что ты моя. Гуинплен и Дея²¹: он беспощадно избит жизнью, она свежа, он вырвал от жизни кое-какие успехи и знания, она – как остро отточенная художественная мысль, он – не выдавший счастья, она – не знавшая грязи. Вот сочетание, которое раскалывает мою мысль клином сомнений. Но всё, что есть в этой грубой, неотёсанной внешности хорошего, я без остатка отдал бы тебе, но только открыто (свечи, протокол или согласие ближних, или вопреки согласию).

Вот о чём может думать солдат, готовясь к бою. Не странно ли? Идя на смерть, мечтать о жизни. Ивакин возмущён, что я отошёл от товарищей и пишу очередные сводки, но уверяет, что ты – должна быть чем-то особенным. И я соглашаюсь, что он прав (неправильно построенное предложение).

Ганя

---

²¹ Герои романа Гюго «Человек, который смеётся».

П. С. А знаешь, как встречаются люди: ваш Абраша в 1942 году перевязывал мне раны. Думал ли я тогда, что он будет мне напоминать тебя – сказку?

Я буду нахальным, зная, что мама не постучит в стенку и не напомнит, что уже четвёртый час. Вот и решил не дать тебе спать до последнего клочка чистой бумаги. Представляю, что мы сидим вместе. Да и днём тоже.

Иногда мне может быть больно

10.4.44

Какое счастье иметь два письма, которые я изучаю. Жаль только, что анализ оставляет неприятный осадок на душе. Пойми сама: ты пишешь про К. и его обаяние, доходящее до такой степени, что «помани он меня пальчиком, пошла бы за ним куда угодно»... А мало ли таких, то есть он не единственный. Вдруг подобный ему «поманит пальчиком»? (Семён, конечно, этого не сделает из-за традиций дружбы грубых людей, он знает, что ты мой друг.) Боюсь я этого. Боюсь и другого: К. произвёл неприятное впечатление своим неглиже, а если ты увидишь меня таким, каким я буду через некоторое время, ты, может быть, с отвращением отвернёшься. Я ведь бываю похуже москвича с похмелья. Или ты увидишь то, что не заметила до сих пор: нервный тик, хромоту, приступы болей. Ведь «мои достоинства» произносятся только иронически.

Прошу тебя, подружись с Семёном. Через него ты поймёшь многое.

Тяжело читать и твоё табу на мой приезд. Я остался в «области фантазии», а реальная жизнь рычит на тебя. Страшно? «Да я и сама как следует не понимаю». Муся, или напиши мне, что ты аннулируешь это письмо, или мне будет больно читать его. Да, сердиться на тебя я не могу ни долго, ни на мгновение, но иногда мне может быть больно.

Муся, моя звёздочка, не меняй своих чувств, и я отдам себя всего. Могу же я быть человеком. Не мучь меня сомнениями. А я буду ускорять ход событий, не прибегая к подлости.

Высылаю тебе справку не для похвалы или других целей, а как память. (Муся, могу ведь я гордиться наградами? Ты ведь не будешь отпускать сарказмы по этому вопросу.)

Числа 20-го жду ответа от Ткаченко, а в мае я должен иметь под ногами почву. Тогда я буду мечтать об организации быта: работа, книги, обстановка, быт и моя, моя, безгранично моя Муся – вот предел и начало новой эры.

Эх, Муся, я уверен, что смогу создать жизнь, которой ты осталась бы довольна.

Но покамест (опять «но») это – мечты.

На пути к их осуществлению много больших и сильных препятствий. Меня радует только то, что ты полюбила меня просто так не за звание, красоту, положение – это даёт мне возможность верить в своё счастье. Да, Муся?

Моя нежная, ласковая Муся, ты не представляешь, как сильно твоё влияние на меня. Хотя мне тоже «кое-что» не совсем нравится.

Я представляю нашу жизнь, насыщенную трудом, красотой и счастьем.

Остального написать не могу. Для этого нужно быть вместе. Твой Ганя

Раз ты любишь его, значит, он очень хороший человек

10.4.44

Хочется продолжить беседу, так как завтра я на три дня буду лишён этой возможности. Я отвечу на твой вопрос: «Можно ли любить двух?» Конечно, можно. Но должна существовать какая-то степень.

Я не знаю степени силы твоей прежней любви, но вижу, что ты не шутишь со мной. Ведь я сам просил не называть Ганей, не употреблять слишком нежных эпитетов, но ты отдала мне свои чувства вопреки всему: семье, ему и даже самой себе.

Значит, это было сильнее. Значит, невозможно делить эти чувства.

Может, я ошибаюсь.

Муся, к чему эти муки? Ждать. Делай запросы сейчас, и тебе ответят, где бы он ни был. Но если он сохранил жизнь за счёт других где-либо в тылу врага и ты ему вернёшь свои чувства, то значит, они **ОЧЕНЬ** сильны. Это будет легче для меня, так как сожаления у меня не будет, а только лёгкое презрение. Ревновать я могу только к человеку.

Грубо, но правда.

Если же ты найдёшь его искалеченным боевой жизнью, я пожелаю вам счастья, мне будет очень больно, что я потерял свою звёздочку, держав её в руках.

Мой совет – сделать запрос. Это решит твои сомнения.

Раз ты любишь его, значит, он очень хороший человек.

Но тогда сообщи мне.

Вот моя правда, и поверь, что неправды я тебе никогда не напишу.

Но ты должна помнить одно – что ты для меня одна.

Жду писем и того, что ты хотела написать по секрету.

Не сердись на своего глупого Ганюшку-дурачка, он слишком счастлив.

P.S. Не знаю названия органа, который даёт справки об убитых, пропавших без вести, раненых и т. п. Но в Москве есть справочное бюро, может это уточнить тебе.

Женился я не по любви, а ради спокойной жизни **11—12.4.44**

Получил твоё письмо. Знаешь, Муся, как больно было его читать. Я написал ответ, но прочёл, положил и... порвал. Слишком резко было написано, а мне не хочется обижать свою ласточку. (А ведь ты правда похожа на чёрную ласточку с белой грудкой.) Много думал, буря мыслей улеглась, всё же отвечу прямо, но правдиво.

Милая Муся, как не стыдно тебе обижать своего медведя. Ты пишешь: «Я не могу быть тебе настоящей женой... Сначала ты, конечно, не будешь обращать на это внимание, но когда пройдет ослепление...». Муся, да считаешь ли ты меня за человека? Или думаешь, что я ищущий в тебе прачку и кухарку, но зачем тогда ИФЛИ и твои способности? «Оставлю тебя без обеда, так мало утешения найдёшь ты в бровях да в глазах...». За это надо бы надрать тебе уши. Но я объясню тебе откровенно.

Есть пословица: «О мёртвых говорят только хорошо или совсем не говорят», – но я это говорю с той целью, чтоб ты поняла, что я не новичок в этом деле. На М. я женился, я говорил тебе, не по любви, а ради спокойной жизни. Но она не могла бы заметить этого. Я или помогал ей, или создавал условия, но меня тяготило отсутствие общих интересов: она никогда ничего не читала, не увлекалась идеей работы, её не могли увлечь идеи Макаренко и Калабалина даже тогда, когда я мог держать областную конференцию под своим влиянием и добился входа на педагогический Олимп. Не было друга в работе.

В тебе я увидел того человека, с которым можно было бы идти по пути любой работы. У тебя есть то, что поддерживало бы меня и тебя. Да не только поддерживать, но и тянуть меня вверх, куда стремился я всю жизнь. Но, мне кажется, и я мог бы кое-что дать тебе.

О моих недостатках. Муся, они есть, я их не скрываю, они меня мучают, а это уже не консерватизм. Кроме того, война и контузия тяжело отразились на моей памяти, речи и нервной системе, но 2—3 месяца отдыха среди книг и условий – и это пройдёт. Всё это поправимо. Порукой этому моё желание и настойчивость. Но зато, Муся, ты не увидишь от меня ни подлости, ни обиды.

Милая Муся, твоё письмо причинило мне столько боли. Да, я груб. Жизнь не баловала меня, но я шёл вперёд. Я достиг малого, но дорогой ценой. Пожалуй, каждый из тех, кто поражает тебя блеском своих знаний, только знает, но эти знания не служат ему практическим пособием для борьбы. Быть может, и бороться-то он не сумеет.

«Когда ты уехал в первый раз, я была уверена, что вся эта история кончилась и дело ограничится письмами. А что – жалко мне письма написать, что ли? Вот и писала...».

Да ещё как писала! Я читал и захлёбывался от счастья, а это, оказывается, была милостыня. Неужели после моей сказки о Ганюшке-дурачке, доверчиво рассказанной тебе, ты могла подумать о такой жестокой шутке? Могу ли я не думать, что это может повториться? Нет, милая Муся, лучше не шути, а скажи прямо. Я не заслужил от тебя такого жестокого удара.

«И хотя я готова согласиться с теми, кто говорит: он тебе не пара...».

Но разве я скрывал это или пытался сгладить впечатление? Нет, это было бы плохо для дальнейшей жизни, а от тебя мне надо всё или ничего.

Муся, милая быстрая ласточка, прости, но мне больно, ой как больно подумать об обмане или ошибке, то есть потере того, что мне так дорого. И если это неизбежно – напиши прямо. Дальше будет тяжелей. А я тебе плохого не сделал. Я не употребил ни капельки силы, я не настаивал, я не мог бы обидеть тебя, и не смогу. Поверь, что так любить тебя способны немногие. Понимаешь ли ты это?

Муся, если ты не хочешь покидать Москвы, то я постараюсь устроить жизнь в Москве, если не вместе, то поблизости к тебе. Я ничего не требую от тебя. Но всей силой души хочу твоей любви. И не буду верить ей, покамест она не будет явной.

Сейчас ты отдала мне всё, неужели это может измениться?

Но всё это, как ты пишешь, было и прошло. Да? Теперь между нами будет только открытое, правдивое.

Муся, ты хотела написать что-то интимно секретное и, очевидно, важное. Прошу тебя, пиши всё открыто. Ведь между нами нет ни физических, ни духовных покровов. Ведь мы уже одно целое. Да? Милая моя, помни, что тебя любит твой Ганя всей силой своей души. И было бы грешно обидеть его обманом.

Теперь о своей жизни. Перемен нет, и не предвидится скорых перемен. Быть может, я успею получить ответ Ткаченко, тогда мне придётся побывать в Москве в НКЮ, а потом начнётся новая жизнь.

Был у Абраши. Приехав из Москвы, я его не застал – он ездил в Орёл. Хорошо познакомиться. Он очень понравился мне за его простоту и сердечность. Думаю, что мы будем с ним если не близкими, то хорошими друзьями. Мне очень понравилось его отношение ко мне, простое и милое, как, впрочем, и весь его характер. Передал ему свой книжный фонд, получил приглашение бывать у него и сегодня иду опять. Это хороший моральный отдых мне в условиях солдатской жизни. Он (наивное существо) много рассказывает о твоём друге. Теперь мне понятна сила твоих чувств. Он не заметил, что моя щека, прижатая ладонью, могла выдать мои эмоции.

Прости своего неуклюжего медведя. Целую тебя крепко, крепко.

Помни, что Ганя живёт ради нашей жизни, ради своего незаслуженного счастья.

P.S. Сегодня пробовал обработать один очерк, но чувствую, что нет ни памяти, ни гибкости мысли. Но пришлю (буду присылать) книжки. Пиши всё, что есть в твоей милой головке. Жду писем. Ганя.

Скажи, разве это не судьба?

12.4.44

Уже поздно. Все спят. Я пришёл от Абрама и пишу тебе. Да и кому я смогу передать то хорошее, что испытываю я, как не тебе, моей. Итак, пробыл у Абрама часов пять, и нашлось разговоров. Значит, мы подружились крепко. Да ведь и я там не был влюблённым, а следовательно, не потерял дара слов.

Свои впечатления об Абраме могу выразить просто: чудный человек. Понравилась мне и Женя. И знаешь, её голос отдалённо напомнил твой. Чем, не пойму. Он грубей, но есть что-то. Но она вообще – хороший человек.

Побывав у них, я словно смыл грязь души, хотя им я не пара. Но, быть может, мне надоела радуга в луже.

Завтра вечер проведём опять вместе. Довольна ли ты нашим знакомством и дружбой? Ты просила подружить, и я это делаю не только без напряжения, но с большим удовольствием.

Милая Муся, счастье, данное тобой, сопровождает меня и здесь. Ну, скажи, разве это не судьба? Пробудем вместе с ним мы, очевидно, долго.

Жаль, что ты не была с нами; пожалуй, я смог бы даже понравиться тебе. Скажи, почему так спокойно и легко на сердце, несмотря на твоё письмо, которое может породить неуверенность в своём счастье? Неужели всё это правда, что я любим тобой и серьёзно, а не так, как после первого отъезда? Третьего приезда не требуется для закрепления?

Нет, моя детка, теперь я приеду только с правами на счастье (правами и условиями), если до этого не получу зловещего листа. Но белый лист не посылай, так как цензура не пропустит, что-нибудь напиши. Но помни, что ты этим сделаешь убийство. Долой сомнения! Мне дали в спутники Веру, Надежду, Любовь и Мусю. Могу ли я не верить написанному? Покамест я не хочу верить.

Я не из тех, кого можно любить с первого взгляда

13.4.44

Весь день провёл в суете. Немалую долю времени посвятил оформлению своих партийных дел, чем удивил командование. Спрашивают, почему не сделал этого раньше. Что мог я ответить? Говорю, что раньше не собирался жить. Всем показалось странным, что я беспартийный. Однако горячо взялись за оформление.

Как хороша жизнь, когда вдалеке светит моя Звёздочка. Вспоминаются слова Короленко²². Ведь и ты мой далёкий огонёк, который заставляет двигаться вперёд меня, уставшего путника. Жаль, что иногда этот огонёк исчезает, а после него тьма становится особенно густой.

Перечитываю письма. Твою откровенность считаю ликвидацией (силлогизм) последних преград, когда наступает физическая и духовная близость. Я верю в тебя и не думаю, чтоб ты смогла плюнуть мне в открытую душу.

При разговоре с Абрашей я поразил его тем, что смог добиться отпуска. Он назвал это чудом. Глупый, он не понимает, что значит желать. А мне необходимо было съездить и, кажется, не напрасно.

---

²² См. небольшой рассказ В. Г. Короленко «Огоньки».

Я готов трудиться до последних сил, чтоб иметь тебя рядом с собою. Значит, что я буду видеть тебя, безгранично мою. Да зачем писать! Ты, я знаю, понимаешь меня.

Милая Муся, при трезвом суждении я вполне оправдываю твои колебания. Я не из тех, кого можно любить с первого взгляда, но узнав – полюбишь, и то не умом, а сердцем.

Пришёл связной и коротко ответил: «Нет». Почему? За пять дней одно письмо. Буду ждать.

Вернулся в 11 часов. С 6 часов был у Абрама. Время провели хорошо. Писем от тебя нет. Получил только одно.

Разлука – лучший экзамен любви

13—14.4.44

Получил письмо. Долго сидел и думал. Думал тяжело и объективно. И знаешь, логика на стороне матери. Но она, конечно, ослеплена родительским эгоизмом. Ведь бывают же люди из воров и пр., бывают и подлецы под лоском внешнего воспитания. Так что её критерий, с которым она подходит к людям, не признан всеми и далёк от аксиомы.

Что такое культурность: говорить «здравствуйте» тогда, когда хочется сказать «чтоб ты сдох»? Меня удивляет эта культурность людей, впитавших перлы литературы, их содержание и идеи, но коль скоро дело касается своих интересов, то они забывают Герцена и Тургенева. Люблю я смотреть на московскую культуру с задней площадки трамвая. Хорошо наблюдать её, но, когда мне пришлось задеть локтем людей в погоне за счастьем, не украденным, а отданным мне, культурные люди кричат: «Куда прёшь?» – как кричат на рабочего в трамвае, глядя на его блузу, но не зная, что он, быть может, сделал что-то большее для человечества, чем тихая жизнь.

Логически: я – не пара. Но я не из тех, кто ставит свою фигуру в центр вселенной, хотя и беру себе место в жизни, и смогу ценить счастье, попавшее мне, больше, чем тот, кто примет твою любовь как нечто должное. Вот это – основная разница во взглядах на твоё счастье. Пишу не в осуждение Ольги Семёновны²³, а отвечаю на письмо так, как я думаю. Но почему она думает, что ты убежишь от меня? Что угодно, но этого не будет. Я не исключаю возможности столкновений по вопросам труда, но не быта.

Что делать?

Герцен порядочно написал по этому вопросу, и, кажется, всё сводится к тому, что человек имеет право на счастье, но ему мешают условности.

Я не Герцен и не берусь решать философских вопросов. Пусть люди отказываются от счастья, я отвечу прозаически: прежде всего, не следует дразнить людей и задевать больные места, коросты быта. Пусть для них небо остаётся без грозных туч. Это не ложь и не подлость. Вдруг завтра бой, и твой Ганя не будет иметь претензий к жизни, или останется инвалидом и не будет иметь претензий к судьбе. Значит, угроза была напрасной, и она только сделает трещину в семье.

Может, за этот период тебе встретится человек, и тебе трудно будет связать свою судьбу со мной. Вот когда я явлюсь со всеми данными не пылкого любовника, а мужа, мы сами можем решить вопрос, не консультируясь у инструкторов по счастью (вроде Деи).

Но прошу одно: пусть тебя не оскорбляет этот материнский эгоизм. Будет время: ты не убежишь, а вернёшься радостной, тогда сердце матери отгадет. Ведь мы знаем друг друга больше.

---

²³ Ольга Семёновна Гиндина – учительница, мать Муси.

Ты удивляешься, как это получилось. Детка, да ведь когда я преодолевал препятствия разлуки, я знал, что сила моих чувств передаётся тебе. Ничего удивительного нет, что твоё сердце согрелось около моего огня больше, чем около яркого света твоих товарищей.

По-моему, волноваться нечего. Разлука – лучший экзамен любви. И, если на нём мы провалимся, это будет легче, чем поспешно построенная жизнь, которая может раздавить или покалечить её обитателей.

Прости, что я пишу тебе так спокойно. Это письмо мне далось не даром, но я должен уметь спокойно говорить о беспокоящих меня вопросах.

Теперь мне хочется поговорить не с робкой девушкой, ошеломлённой ударом жизни, а с другом, работником, учителем.

Как я рад, что ты понимаешь, что твои знания в Москве – «предмет ширпотреба», тогда как в другом месте это насущный хлеб для детей культурно голодных, знающих свою отсталость, стремящихся к свету. Вспомни интеллигентов 50-х – 60-х годов, которые бросали карьеру (оклад, квартиру, положение) и шли «сеять разумное, доброе, вечное» в свою Вахлатчину²⁴. Муся, разве ты не чувствуешь свою силу?

Но я не против Москвы. Только в ней я жить не буду. Километров 50—100 – и там я буду не просто выполнять, а трудиться. Муся, дай мне свою руку в этом труде, и мы пройдем небесполезную дорогу (хотя и нелёгкую).

Ну и разболтался, да ещё и на три гласа. Не сердись. Чувствуй себя бодрей. Мудрец сказал: «Если твоя правда настоящая, то час её прихода недалёк». Аминь!

Чтоб не нервировать семью, разреши писать или на школу, или до востребования. Мне всё же не хочется доставлять лишних мучений твоей маме.

Жду писем, таких, как это, я вижу его откровенность, и это радует меня. Твой Ганя

14.4.44. (опять 4 четвёрки) помнишь 4.4.44. – твоё решение. Это я считаю нашим днём.

Добиваться чего-либо против своей совести не намерен 13—14.4.44

Снова и снова перечитываю письмо. Я рад, что моя Ласточка любит меня до такой степени, что даже открыла это родным. Нет, это уже не ласточка, а орлица, способная защищать свою судьбу.

Неприятно, что близкие против меня.

Моя милая Муся, меньше анализируй события и не задавай вопросы: «За что?». Разве любят за то, что вкладывается в табель? Да, ты права, я достаточно плох, чтоб не обязательно возбуждать симпатию окружающих. Но тебе я отдал не показную сторону, а лучшие чувства. Отдал доверчиво и беспредельно. Отныне ты хозяйка моей души, а мне остаётся только управлять судьбой.

Как я рад твоим откровенным письмам! Это лучший залог взаимного доверия. Пусть правда не всегда приятна, но не от нас ли зависит жизнь?

Быть может, это письмо, как и многие другие, будет уничтожено, но мои мысли адресованы тебе, и пусть они доходят до тебя, минуя систему Наркомсвязи.

---

²⁴ См. Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»: «Минув деревню бедную, Безграмотной губернии, Старо-Вахлацкой волости, Большие Вахлаки, пришли на Волгу странники...».

Ты пишешь о том, чтобы я не менял характера. Было время, когда желание и сомнения расшатали характер, а сейчас этого нет. Я чувствую себя спокойным. Добиваться чего-либо против своей совести не намерен, но у меня есть достаточно возможностей добиться. Муся, посылаю тебе справку как память: для одного ордена не поставлен номер, так как приказ есть, а получить до сих пор не могу. Если погибну – сохрани как память.

Твой нелепый Ганя

Часть 3. Да, я не из «вашего круга»

Глава 3—1. Не хочу соваться в шум Москвы

Невольно вспоминается случай из моей жизни 15.4.44

Тяжело без писем. Перечитываю старые, но иногда их трудно бывает читать, особенно твоё «добавление к письму». Мне невольно вспоминается случай из моей жизни. Если не хочешь слушать печальных «сказок» – брось письмо.

Мне было 26 лет. Я имел положение, которое принято называть «блестящим». Это обстоятельство открывало передо мною двери порядочных семейств. Я решил жениться на М. Она любила меня за весёлый характер, умение работать и какие-то другие качества. Я видел в ней неплохого товарища. Мамаша была недовольна её выбором, но её ошеломил мой приступ, она не посмела сказать «нет», ссылаясь на дочь. А дочь сказала «да».

Прошёл год. Родился Боря – моя мечта. Но надо мной сгустились тучи. Муж сестры М. – второй секретарь райкома – посоветовал ей развестись со мной. Мать настаивала на этом. Она не могла бросить меня (нашла во мне что-то хорошее). Тогда началась травля: вечные споры, упрёки о загубленной девичьей чести и её молодой жизни. Пришлось закрыть двери перед родственниками, но от матери она не могла отказаться (ухаживание за ребёнком). По какой-то роковой ошибке в моей привычной рюмке вина оказалась примесь яда. В бесчувственном состоянии я был отправлен в больницу. Жене запрещено было туда являться. Из больницы я уехал на попутной М-1²⁵ и явился домой в больничном халате. Встреча была не из радостных.

Наконец, мне посоветовали переехать на родину жены (Жмеринка). Я сдал вещи, купил билет и ждал поезда. Подъехала машина районного прокурора. Меня арестовали. На вопрос жены «Что делать?» мать ответила, что они едут домой и будут ждать решения вопроса. Но, доехав до Ташкента, М. категорически заявила, что до моего освобождения она никуда не поедет. Через 17 дней меня освободили.

Когда мы приехали на Украину, начался чёрный период моей жизни: безработица, отсутствие надежд, голод и болезнь сына. Всё это проходило на фоне упрёков и сцен. Мать, имевшая доходы, себе и дочери готовила отдельно. Я в это время находил дела и исчезал из дома. Наконец, я съездил в Среднюю Азию и добился гражданской реабилитации. Это дало мне возможность работать в начальной школе.

Вскоре Областной методический кабинет, ОблОно и Наркомпрос обратили внимание на мою работу. Я поднялся на ноги. Мой авторитет перед матерью был восстановлен. Мне был предложен дом и извинения, и даже... о человеческая милость! – дом был переведён на моё имя. Я поспешил уехать.

Правда, М. часто ставила мне на вид её верность, я ценил это, и жизнь была безоблачной. Даже мать приезжала гостить на 3—4 месяца и восхищаться моим гением.

Но после этого я перестал верить порядочным людям.

---

²⁵ ГАЗ М-1, «эмка» – советский легковой автомобиль.

Вот и сейчас я боюсь, что моя Ласточка не сможет противостоять буре, её крылышки отмокнут в слезах родителей, и гроза прибьёт её к земле. Хорошо, если это случится раньше, чем я сумею явиться с сердцем, переполненным надеждами.

Прости, но это не аналогия, а эпизод из жизни. Вот почему мне чертовски жаль, что судьба, побаловав меня, теперь поставила такую серьёзную преграду.

Но пока я знаю одно – что моя Муся любит меня. К чему эти воспоминания? Было и хуже. Мой огонёк не потух.

Вскрываю письмо – и вижу: «Мы будем вместе»

16.4.44

Сегодня никак не ожидал письма (видишь, как плохо я верю в счастье). Но письмо есть, да ещё какое! Как хотел бы я получать их каждый день. Теперь уж я их не уничтожаю. На предыдущее письмо я уже ответил. Ответил откровенно и прямо. От этого моё уважение к Ольге Семёновне не меняется, но это ещё более убеждает меня в том, что

...Только ты одна глазами чёрными
Видишь тихий свет моей души.

Ну и пускай. Меня любит Муся. Чего мне ещё надо? Муся, разве я не выстрадал своего счастья?

Как скоро мы сможем быть вместе, не знаю, но не порти нервы. Не нервируй маму. Детям и матерям можно для успокоения сказать неправду, но влюблённому человеку не стоит. Ты говоришь о скупости своей ласки. Дорогая, да разве я поверил бы поспешным, судорожным ласкам. Макаренко говорил так: «Большая воля – это не только пожелать и добиться, но и умение заставить себя отказаться от чего-то, когда это нужно. Воля – это не просто желание и его удовлетворение, а это и желание, и остановка, и желание и отказ одновременно». Вот эта сильная воля и была одним из тех качеств, которые нравятся мне в тебе. Разве я не чувствовал твоих желаний?

Ты иногда неосторожно обращаешься со словами: сказала «жребий брошен», но добавила: «5 апреля верить нельзя, особенно женщинам». Но ведь это было шуткой?

Муся, твои справочники забивают эти слова мне в голову, как гвозди в подошву. Хотя я и знаю правописание и т. д. перед глухими согласными, но, милая, я просто не мог говорить чистой речью, а писал, гонясь за мыслями, которые значительно опережают письмо. Дело гораздо больше: мне необходимо ограбить тебя в отношении синтаксиса, этимологии, системы литературных знаний и теории литературы. Этого мне страшно хочется (нечего сказать, любовный университет).

Присылай мне цитаты и афоризмы, я люблю эти мысли, сжатые в краткие слова. Книжку я скоро пришлю тебе и начну новую.

Муся, тебе не кажется смешным, что вот суровый человек способен из всей лирики выбирать самое нежное, верить этому и этим жить. Неужели судьба обманет меня? Нет, я верю сказанному тобой: «Родной мой, тебя я отыскала сама среди многих и не расстанусь теперь ни за что...». А тебя, мне кажется, я люблю давно. Помнишь письмо-стихотворение? Но я всегда старался избежать ошибки: в письме я простился с тобой, 5 апреля хотел уехать, но «жребий брошен» и отступление невозможно. Верю тебе.

Сегодня, после двухдневной выдержки, иду к Абраше и Жене. Если их отношения не обычная деликатность (я плохо разбираюсь в интонации чувств), то отношения между

нами прекрасные. Кроме всего, в Абраме я уважаю храбрость мужчины и нежность друга. Как хорошо, что у них с Женей общий боевой путь.

Вечер. Получил письмо! Как я благодарен за то, что ты пишешь каждый день.

Ты просишь: «Напиши мне... как ты на это смотришь, только прямо, как близкому человеку. Ты считаешь меня совсем близкой теперь?..». Больше так не пиши. Иных отношений быть не может. Я рад, что ты желаешь именно этого. Ты пишешь о моих неуклюжих оборотах речи. Это результат слабых знаний и влияния двухлетней обстановки. В этом я убедился на последней работе над простой зарисовочкой. Рад твоей помощи и мечтаю о ней.

Но, Муся, есть и у тебя неправильные сравнения: «Бегаю, как капитан на корабле». Нет. Капитан – это Зевс, он двигает всех, оставаясь спокойным на своём мостике. Люди могут метаться в панике, но капитан спокоен. Да? Но это не суть. Ты права, что изящества слога у меня нет. Это тяготит меня. Так что я с радостью принимаю твоё предложение и знаю, что твои указания сделаны не как издевательства над слабостью моих знаний, а мне много пришлось перенести их. Самонадеянности у тебя я не нахожу, но не считай за самонадеянность и мои порывы сказать слово. А оно есть у меня. Вот почему я не хочу соваться в шум Москвы. На её цивилизации я достаточно любовался с задней площадки трамвая.

Твои мечты, жить в маленьком городке, не совпадают с моими. Жить в глуши я не буду, будет ли это Винница, Днепропетровск, Киев, но это будет природа, культура и люди, школа или детдом, колония или... но не сельская местность.

Мне необходима обстановка творчества (тебе не смешно слушать это?). Но жизнь будет хорошей. Я выстрадал право на неё и, пожалуй, заставлю кое-кого посторониться.

В скобках ты высказываешь предположение о моём сыне. Может быть, он жив. Разве это помеха?

А знаешь, Муська, как ты напугала меня: вскрываю письмо – белый лист. Меня словно током ударило. Вдруг вижу: «Мы будем вместе». Снится мне твой белый лист. Лист бумаги я смял и выбросил.

Прости за нелепое, бессвязное письмо. Твой Ганя.

Только бы не изменилась ты – этого я побаиваюсь **16—17.4.44**

Нет, воля твоя, но я не верю, что письма не доходят. Быть может, ваша семейная тактичность нарушается, и письма попадают в печь для уничтожения инфекции, любовного заболевания. Куда могли деваться десять писем?

Знаешь, как я убит протестом отца! Одно меня утешает – твоя уверенность, но хватит ли силы у моей Ласточки выдержать бурю, тем более что мои действия скованы обстоятельствами сильнее наших чувств и даже нашей жизни. Что значит счастье и жизнь автоматчика? Спасибо, что ты веришь мне и нашему счастью, что источником благополучия считаешь наши головы и руки.

Мама, папа, Дея, люди... они убеждены, что я человек с сердцем, которое обросло мхом. Да чёрт возьми, залезьте в мою грязь, измотайте силы, потеряв самое дорогое в жизни, глядя смерти в глаза, и постарайтесь сохранить любовь и стремления к чистому. Не представится ли после этого счастье в виде жареных котлет и чистой постели? А бросить упрёк – легче всего.

Почему они установили срок твоего побега от меня сроком в одну неделю? Разве Лазарь Борисович женился как великосветский джентльмен? Разве не устраивали они жизнь совместно? Разве Ольга Семёновна не могла составить «лучшую партию»? Больно, Муся, думать об этом.

Но это всё ерунда! Ты веришь и желаешь – значит, это будет, а там люди убедятся (по истечении одной недели).

Милая, родная Муся, зачем ещё и ты делаешь мне больно: подозреваешь, что я нарочно замолчал. Как могла ты это подумать?

Мою нежность ты объясняешь половой голодовкой. Муся, подумай, если бы я тебе это сказал, обиделась бы? Но ты кольнула, что, мол, и на фронте есть женщины. Да разве случка заменит любовь? Те женщины, которые работают с нами, любят по званию, а кто заметит меня, солдата? Потому мне дорога твоя любовь, что во мне ты полюбила не звание, внешность, положение в обществе, а меня самого. Вот почему хочется достичь того, чтобы с меня спала чудовищная шкура (Аксаков, «Аленький цветочек») и пред тобою появился бы человек, способный любить, беречь и уважать тебя, идти по одной дороге, опираясь друг другу на руку.

Относительно разницы в годах: М. была моложе меня на 8 с лишним лет. Но разве это так важно?

Тяжело, Муся, страшно болит голова. Вот здоровье у меня действительно плохое. Ну что ж, не мы ли, грубые, хамоватые люди, загораживаем телом дорогу к Москве, дорогу зверям, которые не пощадили бы ни папу, ни его дочерей. Делали это не как его слуги, а как равные. Вы, наверное, и сейчас восхищаетесь победами, где грязь облепила людей, напряжение породило матершину, примитивность жизни – грубость. Я помню, как однажды вспомнил определение дееспричастия. Разве не глупо? А разве за три года я не шёл бы вперёд? Врага уничтожит не ненависть к нему (голая ненависть), а мужество. Мужество – это не момент физического напряжения, а... да к чему эти объяснения.

Муся, ты просишь дать совет об устройстве жизни. Жаль, что я не имею возможности регулировать жизнь. Но, где бы ты ни работала, я заберу тебя оттуда (конечно, при твоём желании), обо всех изменениях судьбы буду писать. Я, конечно, за работу в санатории, так как это укрепит твоё здоровье, а оно у тебя неважное.

Милая, ты вербуешь агентов. Просишь писать Ивакина. Боюсь, что он слишком по-солдатски грубо скажет тебе. Но, не глядя, подпишу его текст, потому что он видит во мне человека.

Сегодня же получил твою открытку, перевёл её. Сам процесс расшифровки доставил много удовольствия. Слова любви постепенно появляются, как изображение на проявителе.

Долго беседовали с Андреем²⁶. Милый скептик, он считает, что я достоин только счастья, но объясняет его по-своему: он советует забыть всё, так как в бою это мешает, а после войны найти простую девушку, которая пекла бы мне пироги, родила ребят, готовила кушать, а об умном (по опыту) можно поговорить с Иваном Ивановичем. Эх, инструктора человеческого счастья, где ваши каноны? Где стандарты «пар» и нормы человеческого счастья?

Нет, кроме моей путеводной Звёздочки, у меня не будет никого! Это моя последняя любовь, данная мне судьбой. Только бы не изменилась ты. Этого я побаиваюсь. Слишком много против меня. Время идёт очень медленно, а ближние сумеют или постараются убедить, что это фантазия.

Боже! Насколько проницательны люди! С Ольгой Семёновной я не сказал в общей сложности ста слов, а отец даже не видел меня – и такое заключение.

Но я верю твоим словам.

Разве наша любовь – фантазия?

Нет, твой Ганя спокоен.

P.S. До подтверждения получения писем буду посылать на школу.

---

²⁶ Ивакиным.

Разве я могу не верить тебе?

17.4.44

Сегодня нет твоего письма. Я так ждал его. Ушёл к Абраше, долго, долго сидели. Может, они не заметили моих пороков (хамства и прочего), но покамест мы друзья. Женя исправила мне грузинский алфавит и дала стихи Симонова, которые глубоко задело меня. Я их «сдал в печать», и вышло.

Ивакин «на меня донос ужасный пишет»²⁷. Ну и пускай. Грозит, что моя судьба в его руках. Если он плохое напишет – не верь. Милая девочка, как убивает меня отсутствие надежд на ускорение встречи. Но она будет. Лишь бы моя Ласточка осталась прежней. Но разве я могу не верить тебе? Ты сказала: «Пока дышу, надеюсь». Это мой девиз. И мне хочется дыхание продлить до осуществления надежд.

Моя звёздочка, меньше анализируй мои недостатки, а то при поддержке ближних они вырастут до размера слона. Знай, что тебя любит твой медведь и ревнует к шкуре того, который иногда согревает твои ноги²⁸. Он не жив, но ближе к тебе. Завидуя второму, не завидую первому.

Ну не сердись за эту чепуху. Твой медведь Ганя

Мне это и нравится: коготки и твёрдый характер

18—19.4.44

Четыре утра. Почти весь день посвящён тебе. Книжку не окончил. Спешу поговорить с тобой. Путь не даёт этой возможности, пространство удлинит сроки получения письма, а время... чёрт его знает, что оно может сделать.

Муся, если уедешь в лагерь, напиши, как быть с письмами. Или это не позволит мне писать письма? Мне это будет тяжело.

Шесть утра. Наконец письмо! Я ждал его, верил, что оно будет, но почему ты не получаешь моих? Спасибо, милая, что ты «твёрдо решила, но...». Пусть эти обстоятельства всегда будут сильнее нас. Опять эти выводы: «мама с папой правы; мы с тобой совершенно различные люди». Если бы не любовь к тебе, я зло сказал бы в глаза: «Да, я не из «вашего круга». Раньше я, пожалуй, не посмел бы войти в ваш кабинет, мать моя могла бы стирать ваше бельё, чтоб заработать деньги на учёбу сына. Но это прошло. Я не получил воспитания, позволяющего мне болтать в обществе на темы, не требующие обсуждения. Но я гражданин, и этого вы у меня не отнимете. Я человек, и за это могла полюбить меня ваша дочь. Прогнать меня может только она...». Да, много бы я сказал им.

Целую тебя как богиню за твоё решение: «Мне это-то как раз и нравится». Оказывается, у моей Ласточки есть коготки и твёрдый характер.

Жизнь будет хорошей. Позволь по обыкновению говорить с тобой откровенно (а это может быть больно). У тебя на крылышках балласт: Москва, общество, развлечения, цивилизация. И ты в этом хаосе (пусть в системе) блестящая маленькая пылинка.

1. Дома ты девочка, младшая, которая должна помочь взрослой женщине учиться. Да и работа твоя по сравнению с будущей деятельностью эскулапа – игра с детьми.

2. На работе – 5-я или 4-я (не суть важно) спица. Молодая девушка, способная играть.

3. Наедине с собой ты капуста, возбуждающая аппетит козлов, но эти козлы противны тебе.

---

²⁷ Пушкин «Борис Годунов».

²⁸ Речь о медвежьей шкуре на полу, в комнате у родителей Муси.

Люди смотрят покровительственно (молодость). Жизнь большая-большая, а ты маленькая. Так и гибнут блестящей пылью твои знания, мысли, мечты. Хочется жить, но «мама не велит».

Нет, как друг я поступил бы с тобой сурово: серьёзная работа, авторитет работника, положение женщины и опыт москвички.

Быт! Милая, да разве много надо двум людям, способным работать? Да и быт (его прозу) я взял бы на себя.

Ты боишься, что я тоже мечтатель. Нет, слишком долго ползал я по земле (а рождённый ползать...), знаю, что для удобства она плохо оборудована. Но такого состояния у тебя не будет, чтоб после работы ты не захотела идти домой. (Самоуверенно? Но ведь знаю же я силу своей любви.) Ты посмотрела бы на жизнь Абраши и Жени!

Книги, книги. Я не против них, а против твоих очков: не тех, что ты носишь, а тех, которые дают голубой отсвет при взгляде на жизнь. Мне хочется, чтоб нашу любовь скрепила общая любимая работа, и это немаловажное обстоятельство.

Муся, мне кажется, что твои родные недовольны были и твоей дружбой с Х.! Может, я не исключение, не урод из всего общества?..

Не думай о неудачах семейной жизни. Я выбрал тебя одну и люблю тебя. Разве этого мало для жизни и счастья?

Ты просишь беречь себя. Муся, а если бы я выжил за счёт других и вернулся запятнанным, какую долю выбрала бы ты? «Мёртвый лев лучше живого пса». Если не будет отзыва от Ткаченко, я до конца выполню долг солдата или командира. Мне не стыдно будет глядеть в твои тёмные глаза, а они у тебя глубоко видят. Я думаю, что они постараются не заметить пару новых морщинок, лишний шрам или несколько седых волос.

Целую тебя за твоё внимание, за ежедневные письма. Жду их, рад им.

Даже сердясь, пиши

21.4.44

Второй день нет от тебя писем. Рассердилась? Иногда я писал слишком прямо. Но, даже сердясь, пиши. Сейчас получил фото из Москвы. Снялся, оставил адрес. Высылаю тебе. Жаль, что я не имею твоего фото, а хотелось бы иметь твоё фото, похожее на тебя: в очках и с иронической улыбкой.

Муся, не мучай меня молчанием. Пиши хотя бы открытки грузинским шрифтом.

Больше всего я желаю твоего счастья

21.4.44

Наконец-то ты получила мои письма. Прости, что я подозревал плохое. Этого больше не будет. Жаль, что я не могу больше называть тебя Ласточкой. По внешности ты так похожа на неё, а по характеру – выше.

Я думал, что ты будешь робко таить своё отношение ко мне; оказывается, что ты не находишь других тем. Это плохо. Нельзя заставлять всех влюбиться. Было бы великолепно примирить с этим родных. Дуться на них тоже не следует – разве плохо, что они желают тебе лучшего? Ведь ни ты, ни я не отрицаем моих недостатков. Они есть, и родные вправе не мириться с ними. Муся, почувствуй себя матерью – и ты поймёшь (как умно может рассуждать самонадеянный влюблённый). Но если и будет перемена, то истина от этого не изменится. Вот пословицами меня били: кто Юпитер и бык, кто сверчок и где его место, каков вид саней по моему

рангу? Но разве, получая такие письма, мучают себя подобными вопросами? – они проходят неприятным холодным ветром, но быстро исчезают в тепле твоих ласковых слов. Не понял, почему рассердился папа: или потому, что ты не простила с ним, или вообще рассердился?

Муся, послушай внимательно мой совет: тебя уговаривают бросить работу и закончить университет. Разве это плохо? Сдать госэкзамен, иметь оформленное образование, иметь полную систему, «а от неё все качества». Сделать это тебе нетрудно, по крайней мере, сейчас. Дальше будет труднее. И, быть может, ты упрекнёшь себя и меня, а мне это будет тяжело. Пишу это абсолютно объективно. Быть может, мне хочется иного, но больше всего я желаю твоего счастья. А это – счастье. Я готов подчинить свою жизнь условиям, помочь тебе в учении, жить где-либо поблизости, но я ЗА. Я всю жизнь рвался к учению, теперь меня тяготит это, но моя судьба – совсем другое дело. Хочу, чтоб мой Огонёк ярко светил людям.

Ты, добавляя «гм, гм», говоришь, что я наивный. Ну, уж что угодно, только не это. Правила жизненного движения я немного знаю.

Относительно моих партийных дел не беспокойся. Вот Ткаченко молчит, но и на это придёт время.

Прости, что ничего не пишу об Ольшанском, он мне не нравится, я люблю людей, у кого талант сочетается с энергией. Терять можно всё, кроме головы. Не завидую ему, что его жалела энергичная девушка.

Надо, чтоб поэт и в жизни был мастак.
Мы крепки, как спирт в полтавском штофе²⁹.

Моя Звёздочка, да, у нас будет праздник. А сейчас разве его нет? Разве мы не стремимся друг к другу?.. Но будем ждать того счастливого праздника. Я много думаю об этом, даже больше, чем это полагается человеку с ограниченными правами на счастье.

Итак, моя излюбленная пословица: «Что подобает Юпитеру, не подобает быку», потому что Юпитером себя я никак вообразить не могу, но ты пиши мне все эти чудные вещи – и они вернутся к тебе обратной книжкой.

Как я обрадован, что у меня есть союзник в лице Маркизы де ля Галка. Целую её. Постараюсь написать письмо и ей.

Девочкам написал давно, но неудачно, так как в это время была сильная суета.

Высылаю фото Ивакина (ведь снимок той компании ты потеряла?). Он написал тебе письмо. Воображаю стиль и орфографию. Но я тебе и не рекомендовал его как грамотного. Зато это не «ребёнок солнца».

Муся, мне хотелось бы, чтоб ты вновь прочла Д. Лондона, «Мартин Иден» и «Лунная долина». Опиши свои новые впечатления.

Вечера иногда провожу у Абраши и Жени. Вчера они послали тебе письмо. Почему-то Абрам не надеется, что твои родные благосклонно отнесутся к Жене. Но они чертовски счастливы. Абрашка умеет быть другом. Вчера мы учили армянско-татарско-еврейский язык. Больше всех смеялся Абрам. Муся, мне хотелось бы, чтоб ты подружилась с Женей.

Ты не сердись, что Абраша узнал о наших отношениях?

---

²⁹ Маяковский «Юбилейное».

Скажи, моя Звёздочка, не обижаешься ли ты на мои советы, об отношении к родным, о работе, об учении? Ведь есть у нас люди, жёны которых учатся, и любовь их не делается меньше. Да и чем чёрт не шутит, быть может, мне придётся иногда оторваться на полгодика, для шлифовки мозга, работы.

А вместе или близко, моя милая, мы будем скоро. Не могу же я погибнуть на пороге счастья.

Как хочется мне быть вместе! Я немного прихворнул и в бреду видел тебя, выздоровел – снова вижу. Помню всё: глаза, зубы, брови, холодные руки и уколы твоего языка. Почему бы сейчас не быть с тобой? Вот за это счастье-то и придётся ещё раз перенести большой и тяжёлый путь.

Мне хочется сказать своё слово

23.4.44

Спасибо за твою откровенность. Я не так боюсь измены, как боюсь лжи. Хочется исправить. Так что это как раз то, что хочется мне, но выполнить этих советов не могу. Жизнь моя совершенно не располагает к литературному напряжению. Да что сваливать на объективные причины и условия.

Муся, ты, конечно, помнишь, как Павка, потеряв здоровье, решил написать книгу. Я не Павка, но мне хочется сказать своё слово. Если надо, буду учиться, но я это сделаю. Это глупо, самоуверенно, но это, быть может, помогает мне жить, а чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Каждое твоё замечание мне необходимо.

Муся, мне нравится твоя откровенность относительно моего приезда. Неужели ты думаешь, что я приехал бы ради бесполезного дёрганья нервов себе, тебе и твоим близким? Ведь я помню, как ты уставала в те дни. А кому это нужно? Я знаю, что ты любишь меня. Добиваюсь того, что нужно, а там...

Может быть, оживёт моя деревянная богиня³⁰. И для этого не надо будет отрывать время, портить нервы, злить родных.

Мучает меня только время.

Если хочешь, свои биографические письма я буду писать распространённой. Ты советуешь придумывать неожиданные, внезапные сочетания. Муся, не сумею.

Положение прежнее.

У Абраши и Жени не был уже несколько дней. Скоро будем далеко друг от друга.

---

³⁰ Видимо, имеется в виду стихотворение Гёте «Моя богиня», где речь идёт о Фантазии.

Глава 3—2. Это не что-либо претендующее на литературность

(Письма, представленные в этой главе, написаны до 24.4.44. Они или независимо от других писем.)³¹

Это была кухонная любовь к матери (без даты)

Кухня.

Это не относится к увлечению кухней, но когда-то это доставляло мне удовлетворение творчества.

Милая страдальница-мать. Родившая четырнадцать детей, кормившая шесть человек или, как говорят, ртов. Старшими в доме – сестра и я. Отец сидел в колчаковской тюрьме. Мать приходила домой, утомлённая работой, разбитая неудачами. Мне было больно глядеть на неё. Я знал, что достаточно было мне поцеловать её, погладить – и ей было бы легче. Но я не любил ласкаться. Был угрюм, хотя сердце разрывалось от жалости. Иногда я преодолевал себя и утешал её своими ласками. Чаше я приносил книги и читал вслух. Она страстно любила книги. Эти книги или отрывали её от жизни, которая гнула её к земле, или рисовали жизнь ещё мрачнее её. «Хижина дяди Тома»³², «Камо грядеши»³³, «Подлиповцы»³⁴ и «Князь Серебряный»³⁵ и т. п.

Иногда хотелось сделать больше.

Приходя поздно из школы, я видел, как мать возится с горшками, ворча на сестру за грязь. Тогда я обращался к сестре:

– Стюра³⁶, сегодня кино «Сюркуф»³⁷, давай уговорим маму.

Настя шла дипломатом. Мать отмахивалась, но ласки и просьбы брали верх: «Ин пойду». И они с сестрой шли в город в кино. Я уверял, что у меня много уроков. Но лишь только мать и сестра уходили из дома, я быстро ставил два огромных чугуна воды в печь и брался за уборку.

Это не была уборка ради чистоты, это был подарок. Выполнял я его с любовью. Очищал каждый уголок, мыл ту посуду, которая никогда не имела этих привилегий (так как это было обычно в субботу, то создавало праздничное настроение). Расставлял всё в строгом порядке, руководствуясь чувством симметрии. Доставал из сундука чистые занавески, скатерти. Уборке подвергался весь дом.

К моменту прихода матери был готов самовар, на столе стояли чашки, лампа, очищенная до блеска, с чистым стеклом. 4 часа пролетали незаметно. Старался сделать как можно больше и с равнодушным видом садился за стол читать книгу.

Самое приятное было впереди: заходит мать. Я боковым зрением наблюдаю за её изумлением, сохраняя мраморное лицо.

– Озорник ты, Ганюшка!

---

³¹ Примечание Я. Г. Кротова.

³² Роман Гарриет Бичер-Стоу о тяжёлой жизни американских негров.

³³ Исторический роман Генрика Сенкевича.

³⁴ Роман Фёдора Решетникова о попытках пермских крестьян найти лучшую жизнь.

³⁵ Повесть А. К. Толстого о временах опричнины.

³⁶ Настя.

³⁷ Французский фильм (1925) о приключениях известного корсара XVIII века.

Тут я не выдерживал, и мы обнимались с мамкой.

Когда у Горького я прочитал про его любовь к уборке самых укромных уголков комнат, мне вспомнились мои «сюрпризы». Ныла спина, болели руки, но сколько было радости.

Двор и сад я всегда приводил в полный порядок.

Это была кухонная любовь к матери. Во всё остальное время я ненавидел эту утомительную работу.

Когда мать была больна, мы с сестрой старались превзойти самих себя в кулинарном искусстве и уборке. На это время между нами прекращались военные действия. (Мы всегда спорили. Во-первых, она была девчонка, во-вторых, она назло мне родилась на четыре года раньше – специально, чтобы командовать мной. Этого я ей не мог простить.)

Мать удивлялась, что я, которого можно было заставить сделать всё, кроме помощи по кухне, проявлял вдруг такой энтузиазм. Но разве есть что-либо трудное, когда любишь человека?

Счастливые года. Как жаль, что ушли вы на кухонные порывы энтузиазма, на полевые работы, доводившие до одури, на борьбу с нищетой, когда мы стояли на грани её; только усилия слабой женщины, молодой девушки и упрямого мальчишки отгоняли её, не давая ей перешагнуть эту грань.

С завистью глядел я на красиво одетых детей, на хорошую обстановку, на красоту и счастье.

Только моя жизнь и положение того времени давали мне возможность увлечься ради уставшей матери.

А чудная у меня мамка. Сегодня получил от неё письмо. Шлю тебе образец этого материнского письма. Когда-то девочкой отец (её будущий муж) научил её тайком читать и писать. Так её грамота и осталась в том же состоянии. Но читать она любила. Много рассказывала нам сказок, пела вятские народные песни.

С родными не живу с 1926 года.

Милая Муся, ты пишешь, что мечтаешь о том чудесном будущем, которое ждёт нас. Только боюсь, не «алые паруса» видишь ли ты. Я не представляю ещё деталей этого будущего, но имею для него твёрдый фундамент: любовь и желание. А остальное будет слагаться из условий и возможностей.

Если Ткаченко даёт детколонию, будет одно, если хозяйство – другое, но храни бог – оперативную работу, тогда я смогу обеспечить тебе только «ловкую горничную». Если ты пожелаешь окончить университет, программа одна, если я буду воевать ещё зиму, вообще программы не будет. Если останусь инвалидом, Гани не будет. Если демобилизуюсь... Но тут я не знаю, что и делать. Еду в Москву к Семёну, и там будет хорошая работка.

А как ты представляешь?

Я знаю, что наша жизнь будет слагаться из простого уюта, любимой захватывающей работы, общей работы, хороших друзей и НАС. С этими данными программа будет хорошей.

Ты спрашиваешь, какая есть латинская пословица, дающая тебе право делать мне любые замечания. Кажется, такая: «Что подобает Музе, не позволено Марии» (на лат.). А Мусе можно всё. Самый сильный мужчина нуждается в хорошем влиянии женщины.

За «жену», написанную в справке, не обижайся. Это – форма. Но:

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что милых так не называют.³⁸

---

³⁸ Парафраз из стихотворения Константина Симонова.

Ради всего святого, не посчитай это за право на твою личность. И всегда имей лист белой бумаги, но слать его не торопись. Останься моим огоньком.

Твой шибко умный Ганя

P.S. Так или иначе, но поблагодари Ольгу Семёновну за её отношение к моим письмам. Целую Галку.

Вот вам мальчик, ловко рисует, учить его надобно (без даты)

Итак, военком Королёв обнаружил у меня талант художника. Решил везти меня в Омск, в Художественно-техническое училище (очень почтенное заведение). Отец согласился, мать со слезами проводила меня, проболев около месяца.

Мы в пути. Меняем лошадей. Вид Королёва внушитель: маузер №4, серебряная шашка, целая шлея из ремней («он весь увешан был ремнями»). Проехали Семипалатинск, вот Новониколаевск (Новосибирск) – захолустный городок, ещё не исчезли жуткие картины войны и разрухи. Все поля опутаны колючей проволокой, под откосами лежат вагоны эшелонов, мёрзлые трупы, трупы без конца. Навстречу попадают измождённые, голодные, тифозные люди, почти беззвучно просят хлеба.

Омск. Первое, что бросилось мне в глаза, – взорванный железнодорожный мост. Высокие дома, красивые улицы – и трупы тифозных. Мы остановились в доме знакомого отцу баптиста Волгина...

Наконец мы подходим к великолепному (для меня) зданию ХТУ. Обширные комнаты пусты. В конце коридора, в маленькой комнатке, директор. В нескольких комнатах идут занятия.

– Кто главный? – спрашивает Королёв.

Пожилой, обрюзгший, заросший седой щетиной человек устало поднял глаза. Увидев фигуру Королёва (очевидно, поразившую его своей художественной внушительностью), он вскочил, как на пружинах, кинулся подать ему кресло, проявляя при этом такую подвижность, которой могла позавидовать мышь.

– Вот вам мальчик, ловко рисует, сукин сын, учить его надобно.

– Очень рад (сильнейший немецкий акцент).

– Гаврюшка, покажи рисунки!

Из-за пазухи был извлечён свёрток потрёпанных, мятых бумаг, покрытых мазнёй, которую трудно принять за рисунки. Но Шнель внимательно рассмотрел их, брезгливо отставив пальцы.

– Наше училище принимает учащихся, имеющих ценз образования не ниже гимназии. Ваш сын, наверное, не совсем подготовлен.

– Так выходит, что вы тут буржуйских сынков учите, а наш брат, значит, как копался в земле, так и копать должен. Так получается?

Шнель, несколько раз переменяв цвет лица, уверил, что он не думал отказать, что он займётся с этим «понятливый мальчик».

Так нелепо, в конце первой четверти, я был втиснут в училище.

Боже, какая это была мука! Слабые знания, плохая подготовка и навыки, говор сибирского диалекта в среде гимназистов, учителей, которые открыто проповедовали контрреволюцию, задевая самое больное место моей души. Но свет не без добрых людей. Скоро я сблизился с бедняками-учащимися, ушёл от баптиста, поселился в маленьком домике одного из товарищей. Они учили меня.

Что могли дать мне эти два года? Но они дали многое. Они – эти годы, город, люди, книги и горячие споры молодёжи, среди которых вспыхивали идеи, обжигавшие мозг, вызывавшие желание работать.

Вернувшись на летние каникулы (год 1924), я остался пионервожатым и отдался этому делу всем пылом своей души. По летам я мало отличался от своих питомцев, в прошлом мы вместе галок зорили, жарили сусликов, воровали арбузы, но я многое уже видел и больше их знал. Работу я проводил по-своему: уезжая с ребятами в ночное (пастьба коней), рассказывал о том, что читал, видел и чему верил. 4—5 лет возрастного различия давали мне перевес и авторитет. Девчат я организовать не мог (да и не хотел), но вскоре подружился с дочерью учительницы Фаей Дубининой, более образованной. Мы стали друзьями. Я помог ей вступить в РКСМ, и работа пошла лучше.

Я по-прежнему помогал семье и любил работу, но Фая стыдилась меня и... Я сдался, мне стал казаться зазорным труд и мой незатейливый костюм. Словом, я приблизился к юношескому возрасту.

Продолжение следует.

Нервы у тебя девичьи, а организм медвежий *(без даты)*

Фаина Вячеславовна была старше меня на 4 года. Она училась в педтехникуме, и её дружба была очень полезной мне. Организовать детей она не могла, но сумела работу вложить в определённый план и придать ей систему. Вскоре мы имели больше ста пионеров, организовали парк, библиотеку, клуб.

Осенью поступил в Педтехникум. Учение охватило меня. В комсомоле считали меня «отцом» деткомдвижения. Это болезненно льстило моему самолюбию и... приятно кружило голову.

В это же время, под влиянием преподавателя литературы Иванцова, мной овладела страсть к рифмам. Написал несколько приблизительно удачных стихотворений. Даже пробовал писать поэмы «Война» и «Мать». Из «Войны» Иванцов вычеркнул всё, за исключением одного:

Под звуки песни удалой
Гуляет парень молодой,
И крепко спит старик седой,
Укрывшись влажною травой...

«Мать» была более благосклонно разобрана, но надежд на славу оставалось мало. Началась она так:

Когда я начал жизнь ругать,
Подавленный тоской,
Святое слово – слово «мать» —
Я осквернил собой.
Тебя, кормилица моя,
Похабщиной покрыл,
Но тут же вспомнил я тебя...

И так строк на восемьсот.

Педтехникум издавал литературно-художественный журнал. Материал я перепечатывал в УО ГПУ³⁹. Познакомился с начальницей ГПУ Ольгой Л. и... влюбился в эту тридцатилетнюю женщину. В ней соединялась женская красота с исключительной силой воли, энергией и обаянием. Я не говорю об её уме, о её змеиной мудрости. Она любила меня как «подающего надежды», учила работать, стаскивала с заоблачных высот, снимала панцирь эрудиции с людей, перед которыми я преклонялся, учила видеть человека там, где его трудно было заметить. Это был умный Мефистофель. Когда меня незаслуженно обидели в РКСМ и я пожаловался ей, она отругала меня за то, что я пришёл ей жаловаться, а не сообщать о том, что я победил.

Первая безнадёжная любовь.

Осенью 1924 года мы с отцом и матерью пришли домой с клубной постановки, где я играл бородатого крестьянина. Моя великолепная борода была «намертво» приклеена столярным клеем. В ожидании ужина и самовара (горячая вода для туалета) мы с отцом просматривали газеты. Вдруг раздался оглушительный выстрел. Я погасил лампу, опасаясь повторного выстрела. Отец был ранен. Пуля пробила бицепс правой руки, скользнула по брюшному прессу и пробила мышцы левой ноги. Можно было ожидать поджога. Я, взяв свой браунинг, вылез через пол сеней и созвал коммунистов села, а сам поехал верхом в ГПУ. Рогачёв меня не узнал. Наконец с отрядом и доктором мы вернулись домой. Стрелявший Ч. скрылся. Отцу было предложено переехать в другой город, но он отказался: «Что, бежать?!».

В этом году умер Ленин.

Смогу ли я описать всё, связанное со смертью Ленина: слёзы никогда не плакавших людей, радость тех, кто прятался от жизни и революционного сквозняка...

Жизнь втягивала меня в свой водоворот и несла так стремительно, что я не мог разобрататься в людях, событиях и идеях. Ольга Л. старалась указать мне жизненные ориентиры. Книги и некоторые друзья тянули в небеса, жизнь и чувства будили ненависть к людям. Работа требовала любви к человеку, терпения к его недостаткам, считая их объектом для изжития. Я метался от Фейербаха к Ницше, от Ренана к Толстому и уходил к Э. Реклю, Фламариону, Флоберу и книгам наших «старичков». Иногда бросал всё и уходил в тайгу на охоту.

Я жил в каком-то тумане книг, идей, горячих споров.

Весной я заболел сильной формой нервного расстройства. Семья переезжала в Оренбург (усилилось преследование отца). Книги мне были запрещены. Я большую часть времени проводил с детьми детдома: прогулки, рыбалки, костры и традиционная пионерская картошка.

В июле комсомольская ячейка провожала меня. Мы провели чудный вечер на большой скале около пристани. Пашка Голуб шутил, предсказывая мне столичную карьеру (Оренбург был центром Киркря⁴⁰), Зойка Фёдорова запевала песни, Фаина объяснялась в любви, Ольга Л. приехала верхом проститься со мной. Мне жаль было её, прекрасную амазонку, и я боялся, что без неё запутаюсь окончательно.

Сурово на прощанье посоветовала мне:

– Нервы у тебя девичьи, а организм медвежий. Плохо это, Ганька. Молод ты, а баба тебе нужна. Мне бы надо тебя пожалеть. Другая-то тебя соплями заманит, а ты, дурень, ещё рад будешь, мол, блеску много. Но ты не торопись с этим делом. Найди себе не «нашу» бабу, а такую, чтоб она вся для тебя желанная была.

Много она наговорила. Я сказал ей, что любил её.

---

³⁹ Уездный отдел Государственного политического управления при НКВД РСФСР.

⁴⁰ Киргизский край, со столицей в Оренбурге.

– Знаю. Потому и держала около себя. От меня ты к другой не пошёл бы, а беречь тебя надо было. Ведь ты всему отдаёшься целиком, нет у тебя половинки.

В 12 часов отходил пароход.

Проходили скалы и горы, Иртыш показывал свою красоту в последний раз.
Оренбург...

Встал на учёт в райкоме. Встретили холодно – «из Назарета может ли быть хорошее?». Платил членские взносы, посещал собрания, но держался в стороне. Работал с отцом столяром. Здоровье восстановилось, заработки были неплохие. Вечера проводил в читальне.

Однажды ко мне подседа работница читальни Гостева.

– Кем вы работаете?

– А там, в абонементной карточке указано.

– Во-первых, так невежливо, а во-вторых, я боюсь за вашу систему читать книги.

Как она втянула меня в разговор?.. Но мы сделали друзьями. С ней я делился впечатлениями, она меня познакомила с А. С. Белениновым.

Незаметненький старичок с вечно молодой душой, он стал мне другом и учителем.

Когда он прослушал мою «Мать» (биографическая вещь), он спросил:

– Сколько вам лет? Пятнадцать. Великолепно. Пишите. И вот вам моя рука – из вас будет неплохой журналист. (Утешил!) Тут же он безжалостно разбил мою «Мать» на мелкие части, которые оказались хламом, собранным в нелепую систему, и заставил рассказать устно мысль.

Нечаянно слава (популярность местного масштаба, которую я принял за славу) озарила меня.

Я работал уже воспитателем и вожатым детколони, вошёл в члены бюро райкома.

Был 1927 год. Безработица, НЭП, есенинщина.

На бюро райкома разбирали дело о бытовом поведении Н. Обвинив её в проституции, её исключили. Мой протест, и ещё одного, потонули в море презрения. Помню, меня трясла малярия – я ушёл на двор, лёг на смолистые доски и решил написать в стенгазету:

Только спустится солнце – и с грустью она
На крыльце о былом вспоминает,
А на небе с насмешкою смотрит луна,
Караульщик лениво шагает.

Так недавно она в комсомоле была,
В районе работала дружно,
А в райкоме примерной и честной слыла,
А теперь... теперь стала ненужной.

У родных кое-как по-собачьи жила,
Все работу искать посылали,
А когда услышали, что «нет, не нашла»,
Как чужую, из дома прогнали.

Обратилась в ячейку – нельзя ль, мол, помочь?
Ей в ячейке работы не дали.
И затмилась жизнь молодая, как ночь,
И с тех пор её редко видали.

Вспоминает она, как она продалась,
Как она в этот омут спустилась.
Перед вами она – словно спать собралась
Мёртвым сном – до поры износилась.

Вот вчера на бюро разбирали дела,
Так её для допроса призвали.
Безбоязненно нервнобольною пришла,
А её проституткой назвали...

И т. д.

Поместили в стенгазету, а девчата чуть не разнесли райком. Булатов ругался:
– Дёрнул чёрт тебя цицеронить.

Слабенькая вещь, но по тому времени, моему возрасту и соцположению она казалась острой.

Продолжение следует.

Перешёл на работу в школу преподавателем ИЗО (без даты)

Поощрённый успехом (о мёд славы!), я разразился залпом кабацких стихов. Тогда модно было петь о...

...Скучно мне в омуте жутком
Завершать свой недолгий путь.
Я готов сегодня проститутке
Исцарапать до крови грудь.

Конечно, грудь я никому не царапал, к проституткам не ходил, но меня радовала эта человеческая слава, и писал в этом духе, читал стихи «замогильным» неестественным голосом. Девушки жалели меня.

Но Беленинов написал:

Мой милый друг, ну что с тобою стало?
в «Смычке» прочитал, но нет, не может быть!
Не может быть, чтоб в пошлости скандала
Погиб поэт, порвавши жизни нить!
Нет, нет, не верю я! Не может быть!

...Скажи, когда впотьмах ребёнок вдруг заплачет,
Ты не зажжёшь огня, чтоб разогнать кошмар?
Так как ты смеешь пить, когда твоя задача —
Огнём стихов питать борьбы пожар
И тех, кто пасть готов, вновь дыбить на удар...

Много он сделал для меня. Но я ревниво держался за свою «славу», которая радовала меня, хотя я и видел, что мои «почитатели» – как раз те люди, которых я не любил. В комсомоле на меня смотрели презрительно, но мне было всё равно.

Наконец я уехал с Темафом (театр малых форм) декоратором. Полтора года пьянства, халтуры, переездов. Покамест не очнулся я в Саратове под лодкой, в жутком похмелье, грязный, с грязными товарищами.

Я ушёл в баню, вымылся, оделся и... уехал на первом попавшемся пароходе. Астрахань, Гурьев.

Над страной пронёсся новый ветер. Пятилетний план, реконструкция, догнать и перегнать. Я увидел, что наши серые люди работают в своей стране, как трудолюбивый садовник, а мы, культуртрегеры, валяемся в травке, любуясь красотой сада, издеваясь над беспорядком, который сопутствует каждому строительству, рыча: «Нам красоту дайте!».

Работал в ГПУ, сотрудничал в газете. В 1929 году перешёл на работу в школу преподавателем ИЗО⁴¹. Учился и окончил вечерний учительский институт, факультет истории. Но эта блицсистема, основанная на бригадном методе, мне не дала удовлетворения.

К урокам я готовился больше, чем к зачётам. А сколько было таких калек или просто профанов, не знавших, куда приткнуться. Да, кстати сказать, мало ли их сейчас, обросших стажем и опытом.

Тут я пережил свою любовь. Чистую, святую любовь, не запятнав её ничем. Но стоит ли писать о ней? Это так скучно и, при рассказе, слишком романтично.

Убежав от неё (этой любви), я очутился в захолустье Средней Азии. Пахта-Аральский район, бывшая Голодная степь, где я был «культурным человеком с громадной эрудицией», сравнительно со средой. Были и там образованные люди, но это были ссыльные троцкисты, СВУ⁴² и прочие.

Я боюсь, что по поводу этих писем ты скажешь афоризм Козьмы Пруткова о фонтане.

Но, Муся, клянусь, что работал добросовестно, дальше опишу. Боюсь, что ты, прочитав всё это, отвернёшься от меня. Ведь я не знаю, каким покровом одела меня твоя мечта, «а ведь король-то голый».

Ну что ж. «Не по хорошему мил, а по милу хорош». Если эта пословица не оправдывает себя, значит, наш замок был построен на песке.

Но это не случится? Да?

Целую твои тёмные глаза, способные видеть светлое. Твой Ганя

Тогда была мода разоблачать, и меня начали разоблачать (без даты)

Меня немного удивили твои вопросы о моей женитьбе, аресте. Я, помню, рассказывал об этом, так же, как о моей первой любви к Д., так что считал лишним писать уже известное тебе. Но напишу без прикрас и вполне откровенно.

С 1930 по 1934 год работал в городе Самарканде в школе-гиганте. Но после изнурительной болезни тропической малярии сестра и её муж уговорили переехать к ним в колхоз. Так из Самарканда я переехал в Пахта-Арал. Остальное ты знаешь.

Работа заполняла всё моё время. К женщинам я был или равнодушным, или цинично прямым. В это время к брату приехала учительница. Это была очень молодая девушка. Мне понадобилась учительница, и я уговорил её остаться на работе в школе. Она согласилась. М. смотрела на меня, как на Юпитера, боясь, как директора.

---

⁴¹ Искусство Запечатления Образов: не всегда известная сейчас расшифровка этого предмета.

⁴² Участники сфабрикованного в 1929 году дела украинских контрреволюционеров из «Спілки визволення України» («Союза освобождения Украины»): учёные, врачи и другие представители интеллигенции.

Сестра и её муж уговаривали меня жениться, чтобы упорядочить жизнь. На каникулах я провожал М. к брату в Ташкент (который меня прекрасно знал). Я был её провожатым по городу. Так началось знакомство. Это была в высшей степени скромная девушка. Скоро я заметил, что она расположена ко мне. Полтора года длилось это знакомство. Наконец я последовал умному совету и женился. Ты спрашиваешь, как это без любви. Да очень просто, как тысячи других. Обманывал ли я её? Нет! Я уважал её как человека, друга, потом как мать моего сына. Но любви, со всеми муками сопутствующими, не было. Да после Д. её и не могло остаться. Я прожил бы век, не подумав ни о какой другой женщине.

Она была хорошей женой, а я мужем. А «о другом» я говорил с Петром Константиновичем и другими, помогая, однако, обсуждать приготовления варений, засол и т. п. Любил принимать гостей. Но со своими производственными мечтами я уходил глубоко в себя и занимался своими делами сам.

Положение было блестящим, то есть признанный авторитет, материальная обеспеченность, налаженность работы.

В 1936-м всё это рухнуло. Меня обвинили в отрицании возможности построения коммунизма в одной стране и... антисемитизме, так как я объяснил, что евреи не нация (на основе определения Сталина, 4 признака наций). Тогда была мода разоблачать, и меня начали разоблачать.

Я заметил, что мои товарищи от меня отвернулись, в РК не слушали, РайОНО копалось во всех моих конспектах. Наконец меня сняли с работы и исключили из партии.

Боже, сколько грязи вылили на меня.

Мой свояк – 2-й секретарь РК – советовал уехать на Украину, то есть бежать. Я не согласился, не чувствуя вины. Начали уговаривать жену, чтоб она разошлась со мной, но она отказалась. Тёща устраивала дикие сцены «губителю счастья дочери».

Однажды я выпил перед обедом рюмку вина, как обычно делал, почувствовал резь в животе и головокружение. Я чувствовал отравление. Вызвали доктора, и я попал в больницу. Жене запретили являться ко мне, на телефонные звонки отвечали, что её нет дома. Я сбежал из больницы на попутной машине и явился домой. Меня испугались все, М. тоже. Оказывается, что моё отравление объяснили как попытку самоубийства из-за опасения ответственности.

Хлебнув для храбрости немалую чашу пенного, я явился на квартиру к своему власть имущему родственнику, ворвался к нему в спальню, и он проснулся, увидев перед собой моё искажённое злобой лицо, я держал его за ворот сорочки и встряхивал. Он сознался, что он действовал нечестно по отношению ко мне, но он не может идти против общего мнения, он не может рисковать своим благополучием и семьёй. Как он был гадок в эту минуту.

Значит, я должен быть козлом отпущения. Но быть просто козлом – скверно. И я не согласился с этой ролью.

В конце концов, я должен был уступить жене и ехать на Украину. Перед отъездом меня арестовали, продержали 17 дней без права выезда, но потом дело прекратили. На Украине (пограничная полоса) встретили меня недоверчиво и чуть не запретили проживание в Жмеринке.

Итак, я мог рассчитывать на работу чернорабочего, пока не добился нескольких магических бумажек.

Нет, тяжело рассказывать.

Сколько я увидел хороших друзей, которые показали мне спину, видел простых людей, дававших мне ночлег и пищу. Видел деликатную ложь и подлость. Но это не сделало меня мизантропом, а показало наглядно одну из черт человеческой психологии.

Всё это прошло.

Мог ли я не ценить М.? Не каждая женщина способна противостоять такой силе и променять благо жизни на жизнь с человеком, репутация которого была залита грязью. Но М. знала меня и не верила этому.

С той поры я любил её как лучшего друга (а это побольше, чем жена).

Ты удивляешься, что я женился без любви. Но я её пережил. И так любить уже не мог. Любил М. по-своему, как мог. И не ожидал, что смогу когда-либо полюбить. Тем более не представлял, что это будет «неравная любовь».

Но злой джинн решил сыграть со мной шутку и теперь хохочет, сотрясая скалы, любуясь, как мужался я три дня, когда не было от тебя писем. Потом подымет надо мною свою ступню и спросит: «Ты был минуту счастлив? Так погибни». И ведь не докажешь ему, что мне нельзя умирать, не поцеловав тебя.

Сегодня очень трудно было писать. Всю ночь была суета, шум, гам, песни, отвлекающие вопросы и дела.

Сейчас уже 4-й час, устал страшно, а в 6—7 часов надо быть на ногах и без кислой физиономии. Но у меня в кармане 3 листа твоих писем, на дворе будет солнце, Муся меня любит, я жив, что ещё нужно?.. Все?.. Подождать. Вы иногда умно рассуждали: «Разлука – испытание любви». Пользуйтесь случаем! Испытайте. Риск потерять? Но это может случиться значительно позднее потери головы.

Я начал бредить. Ганя.

Последний оплот перед Днeпром, село Ляплёво (без даты)

У Днeпра.

Танки рвали пространство, откидывая пройденный путь гусеницами своего хода. Сердца экипажа работали в такт мотору и рвались вперёд. Грозная машина и человеческие сердца казались одним целым. Яростно и беспощадно давили они метавшегося противника, не успевшего укрепиться.

Вчера ещё гремели танки по улицам Гадяча, а уж сегодня они проходят Гельмязово. Вот последний оплот перед Днeпром, село Ляплёво. Мы стоим на опушке леса, готовые рвануться на прорыв, железным тараном пробивать ход пехоте.

Авиация ведёт подготовку. Гул самолётов, визг бомб и взрывы – вот оркестр, исполняющий прелюдию победы. Высоко поднялся столб пыли и дыма. И только самолёты легли на обратный курс, как рванулись танки.

Загудели леса и дюны от мощного гула. Машины врезались в пыль и дым, сокрушая своим ходом противника.

Промчались через село, переехали ложбину, входим в лес в пойме Днeпра. На бугре на какую-то долю минуты танки встали, открылись люки, поднялись автоматчики, улыбка показала жемчужный оскал зубов.

– Огонь! – и мощный залп ударил по песчаной полосе Днeпра, где метался противник.

Так, наверное, средневековые рыцари глядели на Иерусалим. Днeпр для многих был родным и великим: там лежит Украина, там родные места, дом, любовь.

– Вперёд к Днeпру!

Падают под танками деревья, колонны танков тонут в туче пыли, слышится только гул, который далеко разносит эхо. Кончился лес. Шквал огня обрушился на остатки войск и Заднепровскую оборону.

Мотопехота подъехала к танкам, соскочили с машин и кинулись к воде. На досках, на плотках, понтонах, резиновых лодках устремились к крутым берегам Заднепровья. Днепр кипел от взрывов, но люди плыли упорно вперёд. С высоких берегов лил пулемётный дождь. Вот первые бойцы вступили на заветный берег и устремились к глиняным обрывам. Многие падали с высоких яров, уже достигнув верхнего края. Но серые люди всё шли, ползали, цеплялись за траву и кусты, ножом делая ступеньки. Казалось, это двигаются муравьи, гибнет первый ряд, а по их трупам идут вторые ряды. Земля сотрясалась, как в судорогах. До ночи бушевал огонь артиллерии. Семь атак одна за другой были отбиты за ночь. К утру мы имели четыре километра плацдарма за Днепром.

Впереди лежала Украина.

Мы стоим на Заднепровской земле, хотя знаем, что враг примет все меры, чтобы сбросить нас в Днепр. Но приказано отдыхать.

Наспех отрываем окоп, закидываем верх ящиками – вот и готова солдатская вахта. Мокрая одежда, холодный песок, грязь. Только горькая махорка, подсушенная в каске, подгоняет работу сердца. В окно лезет Ивакин:

– Эй, гвардейцы болотные, согрелись?

– Что, Андрюша, жмёт русского солдата в английском сукне?

– Есть грех, братцы. Пустите переночевать.

Укутав затвор автомата носовым платком, он протискивается в окоп. Тесно, но теплей. Взаимно жмём друг друга.

– Эх, жизнь! – вздыхает Черкасов.

– Друг ты мой Лёня, не плачь, золотко. Брось детскую привычку от мокрых коленок плакать. Пупок не разъест, не бойся.

Барсуков⁴³ мечтательно говорит:

– Лежим мы с вами вот здесь. Клянём жизнь. А когда-то сказки о нас рассказывать будут. Сегодня форсировали Днепр. Видел ты сегодняшнюю картину?

– Нет, браток, не заметил что-то. Билетов не застал. Ваш брат, орденосцы, расхватили.

Но скоро и он переходит на мечтательный тон, уверяя, что русский солдат всё может. Говорит с восторгом о русском солдате, как о хорошо знакомом, не чувствуя, что это он.

Надо выходить в секрет. Едва согревшееся тело охватывает холод и сырость. И авторы чудной эпопеи жмутся, стараясь согреть тело или сохранить остаток тепла.

Сон смежает веки. Сквозь дремоту представляешь фойе театра, электричество, тепло, красоту и нежность женщин.

Назойливый вой мин разгоняет дремоту. Началась артподготовка. Жди атаки. Снова натянуты нервы, а перед собою видишь стратегические бугры и ждёшь атаки...

(Атака – из очерка «О Трянке»⁴⁴.)

Утром прибыла пища, взошло солнце, и крайности были не нужны. Жизнь была снова хорошей, только из неё ушёл Чуднов и ещё несколько товарищей – литеры этой сказки, собранные в гранки боевых рядов.

---

⁴³ Степан Барсуков – вымышленный персонаж, под которым скрывается сам автор. В дальнейшем, видимо, использовался также для авторства писем, отправлявшихся иногда обычной почтой (не полевой), чтобы избежать цензуры.

⁴⁴ Не сохранился.

Это не очерк, тем более не что-либо, претендующее на литературность. Ты видишь, что тут почти нет исправлений, а написано под галдёж, песни и шум.

Высылаю тебе вырванный из дневника листок с записью, сделанной в окопе. Посылаю тебе в подтверждение мыслей об образовании. Эти мысли возникли не в Москве.

Такие записи я делал в период боёв, большинство их погибло, теперь буду посылать тебе, но надеюсь, мы встретимся раньше, чем появятся новые записи.

Скоро придёт почта. Будет ли письмо? Я даже передоверил работу, чтоб застать её приход первым.

Глава 3—3. Жду каждый день хотя бы маленькой открыточки

Проходя по улицам, я видел плоды работы 24.4.44

Испытания⁴⁵.

Я помню эти дни так чётко, словно это было вчера.

Широкие улицы промхоза, обсаженные пирамидальными тополями. Красивые дома «нового типа». Школьный двор, куда я любил приходить с первыми лучами зари. Дорожки, усыпанные гравием, обложенные углами кирпичных половинок, которые дети разыскивали неизвестно где, любовно украшая дорожки метр за метром. Изумрудная зелень джерика (дёрн), кусты шиповника, покрытого хлопьями цветов. Вот громадный куст, привезённый осенью на тележке учеником Гриненко, выкопавшем его со всей корневой системой, так что куст почти не болел и распустился пышным букетом. 24 куста таких роз. Вокруг здания школы разбиты газоны, рассаду цветов выращивали девочки. Посредине двора круглая скамейка вокруг белой акации. За школой – беседка, обвитая хмелем. Спортплощадка, которую окружает дорожка, обсаженная вишнями, уже покрытыми розоватым снегом цветов. Всё это сделано нами. Каждый куст имеет имя, своего покровителя.

За час до занятий дети сходятся на школьный двор. Словно здороваясь, они осматривают свои кусты, газоны, деревья.

Теперь двор ещё более красив. Свежие детские лица, белые блузки, синие юбочки, мальчики в простых костюмах. Это уже не те медвежата, что нелепо махали руками при полёте мяча на волейбольной площадке. Нет. Они умеют распоряжаться своими движениями, придавая им красоту. Пожалуй, даже кокетство. Дети одеты в одинаковые костюмы. Это стоило мне споров с кооперацией, дирекцией, но это однообразие красиво.

Группы детей повторяют уроки, спорят, обсуждают. Ласково, как матерей, встречают учительниц. Восьмиклассники остро иронизируют с директором Зерманом.

Нет, эта школа живёт и должна жить. Испытание сдадим.

Перед вечером учителя и ученики в школе. Идёт усиленное повторение материала, но это не мешает сыграть в крокет и волейбол, провести занятия с октябрятами. Мои милые вожатые Надя и Вера, какие чудные учительницы и воспитательницы будут из них. Меня удивляла эта терпеливая, настойчивая забота, материнская нежность и немое доверие октябрят к ним.

Дни становились всё напряжённей. Больше всего нас беспокоили знания татарки-семиклассницы Фатимы. Прогуливаясь с ней по аллее, мы беседовали о её знаниях. Она уверяла, что «она дурной», но я убедился, что материал она знает. Я предложил ей готовиться на татарском языке. Это привело к ужасу – лучше заучить назубок...

Наконец, начались испытания. Школьный двор шумел, как потревоженный улей. Девочки смеялись, но чувствовалась слишком короткая дистанция до слёз. Наконец, подъехала М-1, и в школу вошли представители областного и республиканского Олимпа. Их поразила чистота, красивая форма детей, их непринуждённость в разговорах (ирония – мой конёк).

– О, кандай елу балалар! (Какие красивые дети!) – высказал свою мысль заведующий ОблОНО Андижанов, восхищаясь садом, цветами, детьми.

---

⁴⁵ Так раньше назывались экзамены.

– Гавриил Яковлевич – любитель эффектов, – скептически заметил Балмухамедов. – Но мы будем говорить потом.

Начались испытания.

В классе шли испытания по истории. Отвечает Квашнин. Стройный красавец, умница, он спокойно, подчёркнуто спокойно, берёт карточку, не обращая внимания на представителей, делает выписки и начинает изложение ответов. Его спокойствие передаётся детям. Бучков свои ответы не задерживает обдумыванием, но строит речь живо, образно и юмористически. Фатима долго сбивалась, но на наводящие вопросы, заданные по-татарски, ответила на татарском языке, что этого (изложение) она никак по-русски сказать не может. Андижанов рассмеялся.

Первые испытания прошли блестяще.

За обедом много говорили о детях, их непринуждённости, знаниях и красоте. Представители дали согласие побывать на торжестве окончания учебного года.

Проверка знаний окончилась. Результаты занесены в графы и приняты РайОНО. Но вторая часть испытаний волновала меня не меньше.

В это воскресное утро чувствовалось праздничное настроение, словно перед пасхой, когда с утра, среди утреннего беспорядка, идёт усиленная подготовка. Во двор школы стекаются дети. Они в тех же костюмах, но безупречно выглаженных. Красиво взлетают руки для салюта. Идёт лёгкая пасовка, повторяют игры, коллективные танцы.

В 12 часов началось торжественное собрание.

Я не люблю официальные речи, а потому ограничил регламентом. Завучу – 15 минут, заведующему ОблОНО – 20 минут. Председатель Квашнин за 3 минуты напомнил об истечении срока.

Обед на двадцатипятиметровом столе. Кушанья приготовлены в столовой КПХ⁴⁶ родителями.

В 3 часа начался парад и соревнования. Стройными колоннами проходили отряды, строились в четырёхугольник, оцепив спортплощадку. Прошли выступления октябрят, живгазеты, упражнения на турнике, трапедии, прыжки, метания и гордость школы – волейбольная команда. Играли с совхозом Пахта-Арал, старая команда. Счёт 2—1 не в нашу пользу, но это никого не огорчило. Команда «противников» одобрила чёткость и красоту игры.

– Ну, спасибо, Чернушка, утешил ты меня, – говорил секретарь райкома.

Работа школы наложила свой отпечаток на жизнь промхоза. Дворы были красиво разбиты на деловые площади и красивые пятна газонов. Игры детей были не примитивны, как раньше.

Проходя по улицам, я видел плоды работы, и это наполняло радостью то место, где у человека до революции находилась душа. Но я чувствовал страшную усталость.

В этот год я поехал в Алма-Ату, Чимкент, Ташкент, Москву, Киев, Жмеринку. Это было и свадебным путешествием.

Но школа не выходила из головы. Создавались новые планы. Я видел дворцы пионеров, парки, стадионы, но видел в них то, что можно было перенести и привить в своей школе. В промхоз я привёз альбомы, книги, украшения, эскизы.

Неуверенности в работе не было.

---

⁴⁶ Каучук-промхоз.

Стоило бы рассказать о деталях борьбы за носовой платок, красивый костюм, организацию речи и движения тела, о привитии музыки, шахмат, об организации классных и отрядных вечеров, хотя это было бы мне нелегко написать, отрываясь от моей современной действительности.

Но это повторится! И это будет не кустарная работа одного педагога, это будет стройная система, проверенная и испытанная людьми повыше меня опытом и интеллектом. Аминь.

Вот ещё побеседовали мы с тобой. Правда, Звёздочка?

Молочных рек и кисельных берегов не обещаю

24.4.44

Милая ты моя очковая девушка.

Ну и язычок у тебя, где-нибудь да кольнёт: «Истинные слова неприятны; приятные слова не истинны», – а примечанием постаралась кольнуть: «почему я должна верить твоим?». Да потому что они неприятны, в них много грубой правды, мадригалов тебе я не пишу, воздушных замков не строю, молочных рек и кисельных берегов не обещаю. Нет, милая Муся, на приятность своих слов я не обращаю внимания, ибо их рождает жизнь, а она у меня неприятная, хотя бы тем, что я не хозяин своей судьбы.

Разбираем другое:

«Не хвались завтрашним днём, потому что не знаешь, что родит тебе этот день». Подчёркнуто тобою.

Хвалиться, конечно, не следует, но надеяться на него и добиваться от него определённой цели необходимо, а полностью отдаваться на волю рока – слабодушие.

А вот насчёт афоризма из Ницше хочется поругать тебя. Вот уж из такой гадости, как Ницше, я ничего бы не взял. Быть рабой желания мужчины – «счастье женщины: он хочет». Дальше это выражено так: «Красота мужчины в его уме, ум женщины в её красоте». Так он последовательно отодвигает женщину до физиологического аппарата, вещи без воли и ума. Разве не бесит тебя подобная картина? Увы, наши женщины, получив свободу, прежде всего, демонстративно надели узкие юбки, не торопясь двигаться вперёд, но ведь есть и такие, как мой Огонёк. А она, эта свобода, есть. Этому я теперь верю. Только меня бесит, когда ты пишешь такие вещи:

«Стараются... сделать хорошей женой и хозяйкой... ведь ты и будешь тем мужем, который будет наслаждаться плодами...» и т. д.

Спасибо, я уже знаю это. Но неужели хоть на минуту тебя прельщает эта жизнь? Не верю, или я ошибся. Для этого хватит флегматичной красавицы, которая, зевая, будет слушать о моей работе, но оживать при отчёте в деньгах. Нет, не верю. Неужели ты примиряешься с мыслью о подобном болотном существовании? Но для подобного счастья нужен не я. Мой бог не Ницше, и не хочу я ЭТИХ мужских прав.

Прости, грубостей наговорил, но не говори того, что ты не думаешь.

Остальные афоризмы чудесны. Жду ещё, пиши всё хорошее и красивое.

Жаль, что «лопнула» школа, вместе с ней пропали и мои письма. Писать буду домой. Буду писать биографические письма, фронтовые зарисовки, не суди их за шероховатые, грубые обороты речи.

Нет, я люблю свою Искорку за её быструю мысль, острый язык, пылкую мечту, ну, грешен, и за её стройную фигуру, брови, глаза и родинку.

Привет от Ивакина. Твой Ганя.

На Украине работы найти я не мог

24.4.44

Работа школы шла хорошо. Школа приобрела свои традиции. Началась невыгодная для работы история: посещения представителей, обследования, доклады, требования автограммы. Но пришлось принять энергичные меры, чтоб огордиться от этого нашествия. Больше говорить о недостатках.

Наконец подошёл 1936 год. Школа кончала учебный год, но тут началась комедия облачения. Я смотрел на всё это спокойно, не принимая никаких мер, считая всё это ерундой, глупостью, недостойной сопротивления. Все волнения кончались за дверью квартиры, где был мой сын.

В атаку пошли родственники, которые хотели отнять у меня сына. Но тут я сделался зверем. Я ходил во все места, где решались судьбы человеческие, и требовал или ареста, или реабилитации. Подробности я писал уже тебе в одном из писем. Больница, отъезд, арест, наконец я освобождён, могу ехать куда угодно, работать где угодно, без прав занимать административные и педагогические должности.

На Украине работы найти я не мог. Продавал вещи, книги. Заболел сын. Удавалось делать клише, написать вывеску, ретушировать фотографии. Но поколебалась и семья. М. заявила, что она должна или иметь поддержку, или знать, что она одна, и сдать на милость матери.

Я продал «Лейку», «фотопар», навигационный «герц». Это дало в общей сложности 2000 рублей. Я взял 250 рублей и уехал в Среднюю Азию. Боже, что сделалось с моей школой! Я поспешил уехать. Опять Чимкент, Алма-Ата. Весь состав «вождей» области до Мирзояна⁴⁷ были арестованы, и мне дали нужные бумаги. Я ждал решения партийного вопроса. Получил телеграмму: «Сын опасно болен». Вечером я был уже в пути. Через шесть дней я уже видел пожелтевшее тельце сына, его незакрывающиеся глаза, худые ручонки. Он слабо улыбался и беззвучно звал меня. Я вызывал доктора. Он осмотрел сына и сказал: «Вы родители, ваше дело ухаживать, но я тут бесполезен». Аккуратно пересчитав гонорар, он сказал несколько ненужных деликатных успокоений.

Сын лежал у меня на руках. Тяжёлая ночь. В 12 часов сын начал задыхаться, он судорожно старалсядохнуть, но не мог. Я начал делать ему искусственное дыхание. Он вздохнул, начал дышать глубоко и ровно и уснул. На восковых щёчках появился румянец. Мы уснули. Сын спал до обеда (12 часов). Проснулся весёлым с живым блеском глаз. «Папа, я хочу исти». Значит, живём, Борис!

Поправка шла быстро.

Я получил работу учителя 4 класса сельской школы. Чистенькая квартира, огород, но главное, школа. Первое моё посещение убедило меня, что здесь можно работать. Школа считалась худшей в районе. Ну что ж. М. убеждала меня работать без задора из опасения «как бы чего не вышло». Но этот разумный совет никогда не был моим девизом.

Прошло всего 18 дней разлуки, а кажется – года

25.4.44

Вот тебе новый залп воспоминаний. Я уже не извиняюсь за них, но иногда берёт сомнение, ведь я рисую непривлекательные картины провинциальной школы. В Москве ведь этого нет? А если и есть, то всё это проходит в такой форме, что... что это минует учителей. Дам передохнуть тебе от этих записей. Сыро, грязно, я почти не выходил на воздух, но теперь надо

---

⁴⁷ Левон Исаевич Мирзоян (1897—1939), тогдашний руководитель компартии Казахстана.

показать себя. Правда, и на дворе какая-то невеселая погода: сыро, грязно, холодно. А как тепло вечером в землянке, когда все уснут, а я остаюсь с тобой наедине! Жду почты.

12 часов. Значит, сегодня нет письма. Очевидно, надоело писать и отвечать, можешь быть занята.

2 часа ночи. Тяжело и досадно, что нет твоих писем. Но нелепо побеждать самого себя. Положение осталось прежним, и мне, как знак внимания, предложили отпуск в Москву. Ожидали от меня прилив восторга, но я, подумав, их поблагодарил и отказался. Москва без тебя для меня не имеет никакой ценности. Приехав сейчас, я буду так же бессилён, как и в первый приезд. А мне (как говорила ты) хочется всё или ничего, но не воровство счастья. Чувствую, верю, что скоро судьба решится – и тогда я буду рваться в Москву изо всех сил. Прошло всего 18 дней разлуки, а кажется – года. Ты не осудишь моё решение? Я уверен, что нет, не осудишь. Быть может, мне мучительно хочется внезапно позвонить тебе от Семёна, встретиться... Всё это я представляю ярко, а дальше?

Перечитываю твою открытку. Милая, ты думаешь о нашей жизни. Разве это не счастье? Мысль наша одна. Я выслал телеграммы Ткаченко, он, наверное, думает, что я болен или ранен. Но он недалёк от истины, если думает, что я мучаюсь. Прошло 26 дней, как я послал согласие. На этих днях жду ответ. А времени хватит. Я боялся движения.

Муся, только не оставляй меня без писем. Если я поеду, то напишу тебе, свяжусь по телефону или пришлю телеграмму, тогда наступит перерыв в письмах. Но пока не забывай, что я очень, очень тоскую о тебе и твоих письмах. Потом я уж буду тосковать о тебе.

Ивакин – скептический чёрт – сегодня на мои опасения потерять тебя ответил, что ты такой не можешь быть, что ты видела много людей, значит, за что-то выбрала меня из всей массы, а раз выбрала, то не отдаст. Я попросил назвать какие-либо качества, которые так вышлют меня, он говорит, что особых, быть может, нет, но для тебя я буду стараться быть лучше и лучше, плохие спрячу, уничтожу. По его теории, ради тебя я должен сделаться совершенством. Его бы слова да богу в уши!

Не мог удержаться от письма, а только сегодня послал полукилограммовые письма. Сейчас ещё долго буду видеть тебя в темноте землянки, а утром опять мысли о тебе. Пусть это глупо, но это хорошо. Целую, Ганя.

Размагнитился я, Муся, растаял, раскис: плохо

26.4.44

Второй день нет писем. С нетерпением ждал прибытия почты.

Нет, так не годится. Слишком сильно действует отсутствие писем. Пока я читаю твои исконные слова, я верю в твою любовь, но вот двухдневный перерыв – и в голову лезут всякие сомнения: я недостойн её, она передумала, она поняла ошибку, словом, не любовь, а зубная боль. Подумаю логически, что, если ты передумаешь сейчас, это лучше, чем потом, когда потерять тебя будет ещё больней, но всё же не хочется. Да ведь этого и не случится? Может, ты больная или очень занята, а я уже чёрт знает что передумал.

Наверное, завтра будут письма.

Сейчас пришёл с партсобрания, разбирали мой материал. Отнесли очень горячо к этому вопросу, постановили оформить приём на общих основаниях, возбудив ходатайство перед ЦК о восстановлении стажа. Так или иначе, мы связаны ещё одной дружбой – партийной, литературной, педагогической и... вообще дружбой. Разве плохо будет? Вот я с присвоением звания до получения ответа от Ткаченко воздержусь, так как это может помешать выполнению намеченного плана о перемене работы.

На хозяйственную работу я не пойду. Нет у меня способностей к тем выкрутасам, которые связаны с этой работой. Как говорит украинская пословица, «сладкий будешь – слижут, горький – выплюнут».

Милая Муся, пойми, что я жду каждый день хотя бы маленькой открыточки. Разлука ещё будет продолжаться долго, месяца два, а может, и больше. Без тебя тяжело.

P.S. Утомился физически, а для этого много надо было поработать. Пришёл грязный, но весёлый. Думаю: быть может, физическая работа – моя сфера, и незачем лезть «не в свои сани». Однако за историю части надобно садиться. Вчера слушал радио. Играла скрипка. Словно принял тёплую ванну. Но музыка плохо действует на меня. Будит бескрылые желания, хочется кусочек Луны, встречи с тобой, словом, самые невероятные вещи.

Утром начполитотдела упрекал меня в ослаблении работы. Сослался на болезнь, но ведь боли и раньше были, он чувствует перемену. Но сегодня оправдал себя. Нет, размагнитился я, Муся, растаял, раскис. Плохо.

Ничего, тронемся, снова буду человеком.

Если сегодня не будет письма, воздержусь от этих выстрелов в пространство. Но не думать о тебе не могу.

Если б силу своей любви я мог привить тебе, тогда бы я был спокоен. Целую крепко, крепко, твой Ганя

Когда начинается анализ, рождаются сомнения

27.4.44

Три дня не было писем. Связной вчера пришёл расстроенным, зная, что это огорчит меня, но я постарался сохранить внешнее спокойствие, только, ссылаясь на болезнь, лёг спать засветло. Спал ли я? Можешь догадаться. Когда начинается анализ, рождаются сомнения. Ведь я ещё «не перепрыгнул» и не могу кричать радостных междометий. Слава всевышнему, есть письма, но, пока нет тебя, сомнения останутся.

Ты просишь сказать, что есть в тебе отрицательного (я писал, что кое-что мне тоже не нравится), изволь: хотя это, конечно, мелочь, не нравятся мне твои «алые паруса», способность мечтать до реальности. Жизнь признаёт только реальное. Ты способна верить своей мечте. Помнишь, после первого отъезда ты «считала, что вся эта история ограничится письмами. А что мне – жалко письма написать?». Но ты любила не меня, а мечту. Ты полюбила Барсукова, а уверяла, что любишь меня. Таким образом, ты доверчивого человека можешь завести в свою мечту, а потом убьёшь его этим миражом.

Первый раз я боялся тебя, не верил любви. Очень часто в твоих словах проскальзывали противоположные мысли. Вот это мне не нравилось (и до сих пор боюсь).

Не нравится твоё отношение (дружба) к книгам. Книга – вообще-то оружие, а для тебя – прежде всего красота, изящество. Это отрывает тебя от грязной нашей земли, внушая отвращение к этой грязи. Это всё неплохие качества, но мне может не нравиться что угодно. Я лично привык жить в этой грязи, отмывать от неё ребятишек, жить и ходить в бой вот с этими прекрасными грубыми людьми. Они плохо живут, мало знают, но они делают жизнь. Мы, как выражались раньше, классовая надстройка, и чем ближе мы стоим к ним, тем ближе к успеху. Оговариваюсь, что это не порок, а только мне не нравится, так как я боюсь, что это может разъединить нас.

Третье: светская скрытность, умение подбирать слова, способность обходить острые углы. Вот твои слова: «... только потом доходит до меня, что лучше бы промолчать, да уж поздно»; «в глаза бы я этого не сказала, но ведь в письмах всё дозволено». Прimitивный харак-

тер с этим не мирится. Сказал, что думал, а там как знаешь. Если уже отдал всё, то дипломатии не место. Красивую одежду надевают для людей, а для друга, единственного друга, не скрывают тела. Это касается наших отношений, но и посторонним людям я избегаю говорить светские уверения в совершенном почтении. Обиделся, прекратил дружбу, хорошо, что вовремя. Избави меня бог от таких друзей, его лучше иметь врагом.

Вот и своими письмами я делаю глупости, высказывая прямо свои мысли, например, о Х. Ведь не со зла же это было сказано.

Вот что мне не нравится. Но не лень. И брось ты мне говорить и о лени, и о кухонном прогрессе. Не что иное, как эта кухня, мешало мне на пути. К ней получил я сильную неприязнь, и мне было бы тяжело поставить тебя в условия кухни, обедов, стирки. Я не жил богато, но никогда в жизни не стоял в очередях, не рядился на базаре и тратил последнее на прачек, домработницу и т. п., считая, что свободное время дороже этой десятки. Это непрактичность, но арифметический итог от этого всё же выигрывал.

Ты пишешь: «Всё чаще и чаще мечтаю о том чудесном будущем, которое ждёт нас». Среди будущего много неприятностей, борьбы, неудач, а быть может, крепких ударов. Но я-то напеку оладьи и смогу научить готовить прекрасные блюда. Эх, если бы эти способности я мог сменить на другие. Но идеально чудесное будущее трудно создать, для этого надо иметь наследство, а от отца я получил лишь орден Красного Знамени. Ты просишь не сомневаться, уверяешь, что если бы имела крылья, то прилетела бы обнять и поцеловать. Но бес недоверия шепчет: «Но она не допустила бы ошибки в жертву условиям».

Но что действительно обрадовало меня, приятно поразило меня – это отношение Ольги Семёновны к моим письмам (я плохо разбираюсь в тактичности и принимаю это очень горячо). Считает меня нетерпимым в доме, похитителем дочернего счастья, а всё-таки принесла письма на работу. Чувствуя в ней сильного противника, я глубоко ей благодарен за тебя (отношение к тебе) и отношение к моим письмам. Хотел бы я заслужить её расположение, но боюсь, что это невозможно, так как от тебя я не откажусь, но если погибну, то надеюсь, что зла иметь не будут.

* О непонятном: «блестящее положение» и прочее опишу отдельным письмом биографического характера.

* Относительно замечаний: «Похабная картина» – слово нехорошее, а разве эта картина хорошая? У Есенина до отвращения ярко передано отвращение: «Мне стало гадко, словно я попал в блевотину, изверженную спяна».

* Не называть глупым, не приbedняться». Твой чёрт говорил: «Ведь это и в 16 смешно, а в 35 ещё смешнее». Да я сам чувствую глупость. Стоило влюбиться, прожив жизнь. Влюбиться, чувствуя «неравность» воспитания, лет и даже роста.

* За «мамашу» извиняюсь. Отныне О. С., так как мама – тебе.

* Откуда в слове «дурачёк» буква «о». Клянусь, что это ляпсус монус, за счёт небрежности. Элементарная грамматика мне знакома.

* Почему написал «жене». Это не претензия на твою личность, просто бумагу не заверили бы «кому-то». Строчку с «женой» легко отрезать.

* Поговорки я твои помню все, жаль, что не могу почувствовать себя Юпитером, а быком быть не хочется.

* Относительно ответа девочкам – помогу, но времени у ребят мало, и они не сидят на месте. Я лично ответил.

* К Абраше не хожу давно. Именно из-за боязни надоесть.

* За Х. извиняюсь, но я его не знаю, а сомневаться мне пришлось во многих. Сказано не с целью запятнать его.

* Что будет через три года: или одним счастливым, или одним покойником больше.

Видишь, даже сжато отвечая на два письма, я не мог вместить всего на норму бумажной площади. Ночью сяду за дополнительные листы. Как я тосковал 3 дня без твоих писем. А всё ж не писал. Достижение!

Целую крепко, крепко, и уйду на несколько часов. А потом буду с тобой долго, долго: все уснут, а мы будем беседовать.

Твой полуумненький Ганя (глупым – запретила называться, умным – нельзя назвать).

Наверное, в эту ночь я завоевал счастье дружбы с тобой

28.4.44

Ночной штурм.

Жизнь хороша везде. Вот и здесь, в полуразрушенном селе, в четырёх километрах от линии огня, приятно растянуться на поблекшей уже траве, курить и следить за причудливыми узорами дыма. Тело охватывает приятная истома ослабленных, но ещё сильных мышц. Перед глазами необъятный простор голубого неба. В воздухе пролетают серебряные нити паутины. Осень прекрасна. Она словно женщина, достигшая предельного расцвета, сияющая своей здоровой красотой, после которой наступает увядание. Не потому ли этот чудный период осени назвали «бабье лето»? Думать ни о чём не хочется. Воспоминаний нет.

Над головой противно воют пролетающие на переправу снаряды немецких дальнобойных орудий. Где-то продолжается человеческая трагедия. Но здесь, на этой поляне, мир и покой, разрешённый командованием.

Из блиндажа выходит связной и торопливо сообщает:

– Приготовьте оружие. Сегодня ночной штурм.

Напрягшиеся мышцы легко поднимают тела бойцов. Начинается проверка давно проверенного, заученного, сросшегося с солдатом несложного боевого хозяйства. Самое главное – прочистить выбрасыватель, осмотреть патронник, чтоб не отказал в бою автомат.

На всякий случай каждый осматривает запас золотистых патронов, красиво играющих жёлтым блеском под лучами солнца. Для большей уверенности дают несколько очередей, сливающихся в раздражающий аккорд. Из землянок, высунув голову, кричат артиллеристы:

– Автоматчики, кой чёрт вас разбирает?

– Спокойно, глухари, не волнуйтесь, это действует на нервы, но не опасно для жизни.

Всё проверено. Но на этом подготовка к штурму не кончена. Все достают бумагу и пишут на измятых листках последние, быть может, слова приветов родным, товарищам, любовницам. Я тоже решил написать, но кому? Всем незнакомым. А почему нет? Пишу в «Учительскую газету» – не ради рекламы, а просто: пусть вспомнят, если ночью прекратится жизнь.

Солнце опустилось за днепровские леса, окрасив кровью заката стены домов, желтеющую листву сада, лица бойцов. Ужин проходит вяло. Выловить мясо и съесть. Это укрепит силы и не обременит желудок. Ведь каждый думает, что его могут ранить, пусть даже в живот.

Иронически весёлые разговоры, каждый прячет холодок, охватывающий сердце. Это знает каждый, и каждый «держит фасон». Ночь охватывает землю, словно накинув тяжёлую бурку. Враг «нервничает». Вспыхивают ракеты, пролетают сверкающие нити трассирующих пуль. В темноте лопаются взрывы разрывных пуль, дезориентируя молодых бойцов.

Младшие командиры ушли получать боевую задачу. Наступает тяжёлое молчание. Каждый закуривает, жадно глотая дым, словно старается отравить холодную змею, тоскливо сжимающую сердце.

Из темноты появляются командиры.

– Ну что?

– Ничего, решили не воевать. Темно, грязно. Лучше домой ехать, – балагурит Ивакин.

– Сегодня, мужики, пойдём в гости к немцам. Заползти, притихнуть и ударить. Словом, не первый раз. Пошли.

Четыре километра карабкаемся по обрывам оврагов, ползём по открытым полянам, бежим по лесу. Нет уж и холодка на сердце. Только напряжены зрение, слух, мускулы и инстинкт. Разрывы пуль всё гуще и гуще. Всё ярче вспышки ракет. Вот и последняя траншея. Объясняется боевая задача, указываются ориентиры, время, сигналы. И вот группы одна за другой ползут в темноту. Вспышка ракеты – и пять бугорков замерли и снова ползут. Шум травы под телом кажется слишком громким.

Вот видны брустверы немецких окопов. Слышен чужой говор. Теперь ползём совершенно тихо. Где-то раздался взрыв гранаты. Скорей в канавку. Вспыхивают ракеты, люди замерли. Щека чувствует холод земли, и её запах ободряет. После ракет тьма становится невыносимой.

– Гранаты к бою!

Каждый сжимает комок чугуна, ощущая рубцы делений. Красная ракета горизонтально летит на оборону противника. Чёрные комки гранат полетели в траншеи. Оглушающие взрывы потрясают землю. Люди срываются и прыгают наугад, перескакивая немецкие траншеи. Враг зажат. Теперь его надо уничтожить.

Отставший Кобзенко вполголоса кричит:

– Тоболев!

Рядом с нами в немецком окопе крякнул немец и лязгнула сталь. Сейчас на звук хлынет поток пуль. Но пулемётчик не подозревал о нашем присутствии. Рассчитав расстояние, слабо кидая гранату. Очень близко. Застрочил пулемёт. Мелькнула мысль: «Надо бы тихой сапой». Взрыв прекращает трескотню пулемёта. Ползу в окоп. Три трупа и один раненый. Приводим его «к общему знаменателю», и снова тишина. Ползём дальше. Где наши? Кто стреляет? Может, противник отбил атаку. Может, мы одни идём. Вот гребень высоты. Здесь ждть отбоя. Слушаем какофонию залпов и взрывов. Сами молчим. Нет видимой цели. Вдруг в нескольких шагах слышны окрики немецкой команды.

– Огонь! – шумит кустарник, слышны стоны, захлёбываясь, трещат автоматы. В голове мелькает казённое выражение «мы приняли на себя огонь противника».

Быстро меняем огневые позиции, дезориентируя немцев. Пули ложатся туда, где мы были несколько секунд назад.

При свете ракет видим движущиеся цепи противника. Идёт подкрепление.

Рядом со мной лежит мордвин Ярков и, указывая на чёрные точки, шепчет:

– Смерть пришёл. Погибат, командир, будим.

Спокойно отвечаю ему крепким словом. Другие бойцы недовольно ворчат: «закаркал, ворон шипаный».

Противник обходит нас. Менять огневую позицию нельзя. Ждать невозможно. Ракеты вспыхивают одна за другой. Бьём по чёрным фигурам. Стоны противника успокаивают – значит, бьём не зря. Раз стонут, значит, есть и убитые. Диски опустели. Приказываю держать огонь, спускаюсь на дно окопа и заряжаю диски. Вдруг Ярков падает на меня, придавливая тяжестью ослабшего тела. Липкая кровь течёт с его плеча мне за ворот. Наконец, сбрасываю его. Он слабо стонет. Через окоп прыгает фантастически зловещая фигура. Зевать некогда. Пучки огня летят из дульного тормоза. Начинаю нервничать. Кончился диск. Закладывая второй, подтягиваю нервы, стараясь добиться осмысленной стрельбы. Из четырёх нас стреляют трое, догадываюсь по вспышкам.

Враг откатился. Наступила тишина. Тревожная, тяжёлая тишина. Слышим шаги с нашей стороны.

– Кто?

– Кротыч, живы?

– Ярков, кажется, убит.

– Нет, товарищ командир, пуля на правый рука садилась.

Подходят санитары. Оказалось, что пули «садились» в руку, шею и грудь. Один товарищ убит. Нас остаётся трое. Жадно пьём воду из фляжки. Во рту какой-то налёт с привкусом пыли. Вода освежает, успокаивает. Теперь бы закурить. Вот и перекур. Вернулась жизнь.

Подходит комбат.

– Молодцы автоматчики. Сейчас вас сменят.

Час этот мучительно длинный.

Начало светать, когда подошёл батальон. Мы осматриваем поле ночных боёв. Двадцать пять немцев пришито к земле, несколько раненых испуганно глядят на нас. Но зла уже нет. Мы уходим на КП в знакомое село, на полянку, где вчера готовились к штурму.

Бойцы разговаривают неестественно громко, вспоминая все случаи ночного штурма, иронизируя, только о погибших вспоминают с грустью, но каждый чувствует себя живым. Завтрак и сон. Командир объявляет итог. Высотка взята, более двадцати убитых, 16 пленных. Наша тройка награждена.

Беззаботно храпят бойцы. Сотни снарядов пролетают над ними, десятки мин взрываются невдалеке, но Горбунов улыбается во сне. Что видит он? Ивакин снова балагурит: «Попал парень в отпуск». Кто-то вскрикивает, кто-то бормочет бессвязно, кто-то скрипит зубами.

Отошла гроза. Не чувствует Туманов, что осталось жить ему семнадцать часов. Глубоко дышит Казанцев ещё не простреленной грудью.

Пока ещё греет ласковое солнышко и радуется своей красотой золотая осень.

Вот коротенький эпизод тех дней, когда началось наше знакомство. Не страшен тебе контраст такой обстановки и дружбы? Наверное, в эту ночь я завоевал счастье дружбы с тобой.

Часть 4. Не могу написать тебе всего, что думаю

Глава 4—1. Для тебя я ребёнок, начинающий жить

Мы на пороге величайших событий:

это не слова

1—2.5.44

Сегодня праздник, но если не будет твоих писем, то праздника не будет.

Был парад. Я шёл в краснознаменном взводе. Выступал. И если бы ты слышала, то, наверное, понравилось бы. Сейчас перерыв, и я устроил тебе серию рисунков Жукова «Ленин». Мне очень нравится. Особенно Ленин в гимназические годы. Муся, давай собирать альбом гравюр, лито и иллюстраций. У меня была чудная коллекция, но... Всё, что будет встречаться мне, я буду высылать тебе на паспарту. Размеры: 10x15, 15x22, 22x30. Это даёт возможность оформить рисунки любого размера, кроме альбомных. Согласна? Буду высылать.

Зовут «командовать парадом». На повестке дня несколько литров. Офицеры волнуются. Пришёл герой Советского Союза Шепелёв. Иду.

2.5.44. Ясное солнечное утро.

Вчерашнее командование «парадом» кончилось тяжёлой контузией, так как на всю офицерскую компанию было выпущено мной несколько «снарядов», в том числе «фердинанд». После такой канонады доблестные лыжари полегли, аки убиенные. Сейчас, охая, просят «лекарства». Адресую их к врачам, чертям и по другим очень запутанным адресам.

Почты вчера не было, и сегодня имею три письма: два твоих и одно от Кузьминой Фаины с приветом от тебя, с табаком и тремя спичками.

Милая Муся, прости меня за мою подлую, незаслуженную обиду, брошенную по адресу твоих родителей. Злиться-то мне надо не на них, а на условия, которые сковывают меня. Прости, и этого не повторится.

Вот с упрёком в «низкой мести, недостойной мужчины», я не согласен. Сделано это не с целью «уколоть», «уесть» тебя, и согласишься сама, что это выражение было неправильным. Замечание сделано по праву дружбы. Свои замечания пиши, не стесняйся. Правда, трудно сейчас заниматься слогом, следить за своей речью, но всё же я стараюсь следить за собой. Поверь, что это нелегко. В разговоре мне нельзя резко отличиться «умным» настроением речи, что неприятно будет отдалять меня от моих товарищей. Но когда-нибудь я займусь этим. Отстал я сильно. Но ведь теперь у меня будет критик, который поможет мне. Да?

Муся, посылаю тебе книгу о Ленине и рисунки. Книга мне очень понравилась, и я знаю, что ты любишь Его, Чехова и Левитана. Скоро я буду иметь возможность собирать очень красивые гравюры и рисунки, книги. Буду высылать тебе. Благо бандероли разрешают посылать. Может, тебе покажется смешной моя страсть к коллекционированию. Нет, кажется, ты тоже любишь это.

Как хочется вместе делать любимое дело! Ты преподаёшь литературу, а я готовил бы тебе иллюстрации к каждой теме. Да, pošлю тебе «Мцыри» и «Калашникова»⁴⁸. Но я помню твоего Лермонтова и многое скопировал бы для сопровождения темы (свою историю я всегда сопровождал этим). Нет, работали бы мы с тобой неплохо.

Скоро, скоро это будет. Мы на пороге величайших событий. Это не слова. И твой Ганя будет участником их. Пусть не смущает тебя это затишье на фронтах. Мы ближе к победе, чем при продвижении. Чертовски интересно жить и участвовать в создании истории, хотя бы незначительной пылинкой.

Как хочется быть вместе и делать одну работу

1—2.5.44

<...>⁴⁹ Доходят ли до тебя мои автобиографические письма? Послал я их много.

Милая, ты не обижаешься за мои советы об устройстве твоей жизни? Они даны совершенно беспристрастно. Твои успехи мне дороже личного счастья. И в жизни я хочу, чтобы ты осталась тем, кто ты есть, не подчиняя свою волю кому бы то ни было (это чудно сказано у Лондона). Если ты будешь учиться и кончится война, я буду или в Москве, или ОЧЕНЬ близко к ней. Да и вообще я должен поработать с Семёном, но планов строить не могу, пока не имею для них оснований, а без фундамента трудно строить.

Итак, антракт. Письма сегодня не принимают (не отсылают), так что я имею шанс получить ещё.

Как хорошо, что нам обоим светит это солнце.

Получил твоё письмо, писанное наспех. Чудный афоризм Гёте. Только почему-то нет в твоих письмах ответов на те вопросы, которые я затрагиваю в письмах. Это я объясняю предпервомайской суетой. Вообще эта работа без нормы и времени больше отнимает здоровья и времени. Зачем ты придаёшь такое большое значение крикам и упрёкам чиновников?

Милая, как хочется быть вместе и делать одну работу.

Не утомляй себя письмами тогда, когда ты хочешь спать или утомлена. Мне легче перенести отсутствие письма, чем отнять капельку твоего здоровья.

Твой нелепый Ганя

2.5.44 года

Скоро месяц, как мы разлучились, сегодня месяц, как я приехал второй раз, удивив мою Мусю до такой степени, что она могла произнести одно приветствие: «Ненормальный».

...И мы пообедали «сало с салом»

(из «Бавыкинского дневника»)

Учителям давали карточку с талонами. Карточка называлась УДП (Усиленное Дополнительное Питание). Полагалась одна карточка на трёх-четырёх человек, и мы ходили в столовую по очереди. Там давали на первое – щи или постный суп с картошкой, на второе – пюре, иногда кусочек рыбы или даже котлету. Порции были маленькие, и мы расшифровывали УДП так: Умрешь Днём Позже. Иногда эти обеды я брала в судочках домой, где тоже были едоки. За хлебом в булочных стояли в очередях, и отпускали его по карточкам.

---

⁴⁸ «Песнь о купце Калашникове».

⁴⁹ Один лист письма, видимо, утрачен. (Прим. Я. Г. Кротова.)

Помню, как в 1944 году Ганя приехал с фронта, а я принесла в судочках обед УДП из столовых. Ганя посмотрел в судок со щами, где плавал какой-то силос, и молча выплеснул его в унитаз. Потом нарезал сала в сковороду, поджарил, выложил туда банку американской тушенки, и мы пообедали «сало с салом».

Пиши мне иронические, колючие письма

7.5.44

Боюсь девушек, особенно когда они злы. Ты, наверное, так думала? Увы, ошиблась. Это лучшее твоё письмо. Тут я увидел человека, ту Марину, которую я любил и ещё больше люблю. Как хотелось бы быть рядом, чтоб ликвидировать это зло. Моя Ласточка умеет больно кольнуть. Она готова даже отказаться от меня и гордо перенести это. Теперь я верю, что ты по-настоящему любишь меня.

Я делаю ошибки во многих словах, но, кажется, склонение слова «любовь» и спряжение глагола «любить» усвоил крепко. Пора перейти к другим словам. Так дойдём до слова «жить» и закончим курс грамматики.

Муся, да прогрессируй с кухней «почём зря», но не бери меня в ценители этих талантов, тем более как способ понравиться мне. Пиши мне правду, а по отношению к людям я ничего против не имею, но только самому не хочется испытывать твои способности в этом отношении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.